РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 12. 20-го Марта 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

КНЯЗЬ отвѣтилъ не сразу.

— А вотъ что будетъ, — сказалъ онъ, подумавъ. — Онъ, мой племянникъ, и она, моя племянница, будутъ жить у насъ въ домѣ съ перваго-же дня своего бракосочетанія и вовѣки-вѣковъ, аминь: пока я да и ты — мы не помремъ. А управленіе всѣмъ состояніемъ будетъ у меня и никакого отчета я имъ въ этомъ отдавать не буду. Будемъ мы жить въ одномъ домѣ, родные, близкіе, и тратить все вмѣстѣ. Мои деньги на нихъ будутъ тратиться и ихъ деньги на насъ.

— Твои-то это какія-же? — отчасти ядовито произнесла княгиня.

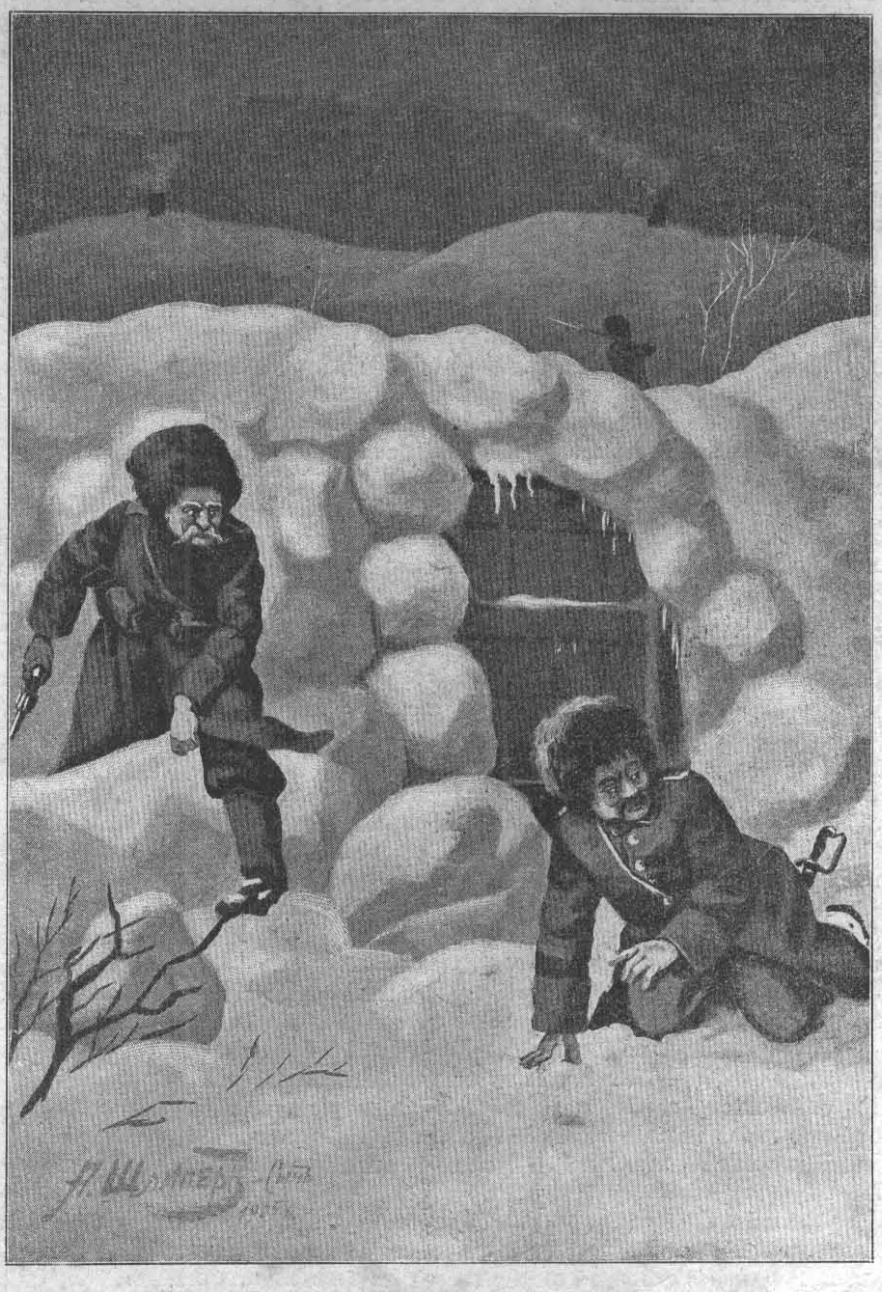
— Какія? Все-таки есть, еще осталось кое-что. Почему-же ты злобствуешь?

Княгиня не отвѣчала.

— Тебѣ-то что? будетъ-ли Мариночка женой Абрама или Никуши? Подумаешь, тебѣ выгода какая! — вдругъ разсердился князь.

— Одно дѣло простое, хоть завтра вѣнчай, а другое дѣло путанное. Самъ говоришь, на цѣлый годъ затянется, — отвѣтила княгиня.

— Что дѣлать, матушка, затянется, но зато куда лучше. Женится мой родной племянникъ, носящій мою-же фамилію, и будетъ жить у меня вмѣстѣ съ женой. Дѣло совсѣмъ иное. Завьялова я закуплю, можно ему маленькую вотчину подарить и спровадить изъ дома — пускай помѣщикомъ будетъ и займется хозяйствомъ. А Анна Тихоновна и Никуша — они, знаешь, такіе, что взялъ платокъ носовой, завязалъ ихъ въ узелъ и затянулъ. И будутъ они тамъ сидѣть смирно, какъ двѣ мухи или блохи, и буду я хозяиномъ всего состоянія Зоричъ. А съ твоими Башкировыми черезъ мѣсяцъ пой-



СТАРАГО ВОРОБЬЯ НЕ ПРОВЕДЕШЬ.
Оригин. рисун. А. Шлиперa.

деть какая-нибудь канитель. Да главное не въ этомъ дѣло, главное то, что Абраму Башкирову, супругу Мариночки, отдавай все, выговаривая себѣ только малую толику въ подарокъ, а съ Никушей я ни въ какія разсужденія входить не буду: онъ — мой родной племянникъ, такой-же князь Ягузинскій, какъ и я. Живи у меня въ домѣ, а я всѣмъ заправляю и все у меня въ рукахъ, пока я живъ. Что-же, нешто скажешь, что это глупо надумано?

Княгиня молчала.

— Что-же? подари словечкомъ.

— Дай подумать, Андрей Григорьевичъ! Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ты лучше надумалъ. Никуша или Мариночка, или Анна Тихоновна, дѣйствительно, они — люди, какъ какіе-то воробушки. Съ такими людьми, пожалуй, что и впрямь можно дѣло всякое наладить. Заживутъ вотъ тутъ тихо и мирно и, конечно, оставятъ въ рукахъ у тебя все. Только не надолго: ты въ десять годковъ все спустишь.

— Ну, это, матушка, ужъ другой разговоръ. Лучше я на себя и на насъ все спущу, чѣмъ какой-нибудь Абрашка все спуститъ на себя.

— Вѣстимо. Что-же, пожалуй, ты, Андрей Григорьевичъ, и правъ.

XXVII.

Однажды въ домѣ Ягузинскихъ пронеслась такая вѣсть, что переполошила всѣхъ обитателей. При однообразіи жизни, гдѣ всѣ дни и недѣли походили другъ на друга, при отсутствіи чего-либо интереснаго, всякая мелочь оживляла всю многочисленную дворню. Въ этотъ день узнали такую новость, которая была, собственно, крупнымъ событіемъ, и такимъ, которое можно было обсуждать на всѣ лады, гадать, догадываться, всяческое выдумывать и, конечно, спорить. Самые пожилые и самые умные изъ дворовыхъ недоумѣвали, гадали и, догадавшись, не вѣрили своей догадкѣ, мысленно убѣждая себя, что они ошибаются.

— Ужъ больно диковинно это, — говорилъ самъ себѣ тотъ, кто вѣрно, хотя и случайно, оцѣнивалъ это событіе.

Когда кто-то выразился, что это нѣчто совершенно простое и случайное, не имѣющее никакого значенія, то, конечно, большинство или подумало, или отвѣтило: „Нѣтъ, это не спроста — князь и княгиня эдакаго зря не учинятъ. Тутъ такое удивительное, такое важное, что умъ за разумъ зайдетъ, коли будешь гадать“.

Въ этотъ день утромъ князь заявилъ дворецкому, что пріѣздъ дворни Маріанны Павловны вмѣстѣ съ ней и ожидающаяся еще цѣлая дюжина дворовыхъ изъ калужскаго имѣнія стѣснилъ, а теперь еще болѣе стѣснитъ всѣхъ обитателей: либо строй новый флигель, либо придумай что иное. И вотъ онъ, князь, придумалъ.

Завьяловы, у которыхъ въ распоряженіи было шесть большихъ комнатъ, должны перейти и жить въ главномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, который, собственно, стоялъ пустой. Только изрѣдка эти комнаты отдавались тѣмъ, кто пріѣзжалъ къ князю въ гости или изъ провинціи, или изъ Петербурга. Но бывало это довольно рѣдко. Завьяловы должны занять эту квартиру, а ихъ квартиру надлежало передѣлать, перестроить, надѣлать, по крайней мѣрѣ, комнатъ двѣнадцать и поселить тамъ самыхъ главныхъ дворовыхъ.

Само по себѣ дѣло было совершенно простое, но для чуткой дворни оно простымъ не казалось. Да и не могло казаться,—дѣло не въ перемѣнѣ квартиры, а дѣло въ томъ, что приживальщики никогда не жили въ одномъ домѣ съ господами съ тѣхъ поръ, что себя помнили старики. Помнили еще порядки при отцѣ князя Андрея Григорьевича, не помнили, чтобы кто-либо, помимо родственниковъ или гостей, живалъ въ барскомъ домѣ. Бывали и важные приживальщики. Былъ одинъ полковникъ и все-таки жилъ во флигелѣ, гдѣ помѣщались теперь Башкировы.

Переселеніе семьи Завьяловыхъ въ самый домъ было поэтому не спроста. А что-же оно означаетъ?

И вотъ вопросъ, что означаетъ это переселеніе, взволновалъ всѣхъ обитателей. При этомъ глухо и робко ходили слухи, говорили шепотомъ другъ дружкѣ такую новость, о какой очень громко болтать было нельзя: если окажется все вздоръ, то, дойдя до княгини или князя, можетъ повлечь за собой кару, пожалуй, и высылку изъ дома въ деревню.

Черезъ три дня послѣ этого рѣшенія князя Завьяловы уже жили въ комнатахъ нижняго этажа.

А еще черезъ день была новая новость.

Завьяловы и Башкировы съ другими самыми важными приживальщиками обыкновенно обѣдали за княжескимъ столомъ въ большіе праздники, въ дни рожденія и именинъ господъ, но никогда въ простые дни.

Теперь-же князь рѣшилъ, что такъ какъ Завьяловы живутъ въ домѣ, отличены отъ всѣхъ прочихъ, то они уже не должны имѣть свой собственный столъ, а ежедневно кушать вмѣстѣ съ княземъ и княгиней. Тотчасъ обѣденный столъ въ большомъ залѣ увеличился вдвое и сталъ оживленнѣе. Еще не такъ давно этотъ обѣденный столъ бывалъ совсѣмъ крошечный: князь, княгиня и какой-нибудь случайный гость, а иногда, большею частью, они были вдвоемъ и только по пріѣздѣ Мариночки обѣдъ немножко оживился.

Вскорѣ послѣ ея пріѣзда, въ виду ея настойчивыхъ просьбъ о томъ, чтобы мамушка Патрикѣевна обѣдала вмѣстѣ, такъ какъ она съ самаго дѣтства къ этому привыкла,—столъ опять увеличился.

Теперь-же столовая въ обѣдъ и въ ужинъ совершенно преобразилась, — за столомъ сидѣли всегда семь человѣкъ.

Первые дни Анна Тихоновна, по природѣ тихая и молчаливая, молчала за столомъ еще больше, чѣмъ Мариночка. Разговаривалъ только Антонъ Тихоновичъ и лишь отвѣчалъ на вопросы, къ нему обращенные, Никуша. Но не прошло нѣсколькихъ дней, какъ и обѣды, и ужины стали шумны и говорливы и сама княгиня, нѣсколько противодѣйствовавшая нововведенію мужа, была довольна и за столомъ стала веселѣе. Къ этому еще прибавилось и то, что князь рѣшилъ два раза въ недѣлю дѣлать очень большіе обѣды со званными гостями, а, кромѣ того, ежедневно стали приглашать знакомыхъ и пріятелей, по крайней мѣрѣ, до полудюжины.

Не прошло недѣли, какъ люди, служившіе за столомъ, стали распускать по всему дому разные удивительные слухи, вѣрнѣе, ихъ собственныя предположенія. Гости, бывавшіе за столомъ князя, распускали буквально то-же самое по всей Москвѣ.

— Князь, опекунъ, — говорили они, — затѣваетъ что-то удивительное, какъ-будто собирается выдавать барышню Зоричъ, эту страшную богачку, за своего бокового родственника. Понятное дѣло, что онъ надумалъ какое-нибудь ловкое колѣно въ свою пользу.

Дворня распускала тѣ-же слухи, разводила руками и говорила:

— Въ глаза бросается, а понять невозможно.

Вскорѣ-же послѣ переселенія Завьяловыхъ въ домъ, князь однажды утромъ позвалъ къ себѣ Анну Тихоновну. Это свиданіе началось съ такого дѣйствія

князя, что Анна Тихоновна, еще не сказавшая ни единаго слова и не слыхавшая отъ князя ничего особеннаго, уже смутилась. Когда она вошла, князь пошелъ къ ней навстрѣчу и выговорилъ:

— Ну, матушка, Анна Тихоновна, прежде всего поздороваемся и поцѣлуемся.

Такъ какъ Анна Тихоновна цѣловалась съ княземъ только въ Свѣтлое Христово воскресенье, то, разумѣется, робкая и кроткая, она еще сильнѣе смутилась. И хотя бояться было нечего, тѣмъ не менѣе, она ощущала лишь тревогу.

Усадивъ женщину противъ себя, князь выговорилъ:

— Слушай меня внимательно. Давай-ка, Анна Тихоновна, будемъ мы съ тобой бесѣдовать и разсуждать о важномъ дѣлѣ, о такомъ важномъ, какого во всю твою жизнь никогда у тебя не бывало. Думала-ли ты когда, какъ слѣдуетъ внимательно, а не такъ съ легкой руки, о томъ, чтобы своего Никушу женить? Отвѣчай!

— Вѣстимо, ваше сіятельство, подумывала и, можетъ быть, даже уже и женила-бы его, да не хочетъ онъ. Какъ съ нимъ объ этомъ заговоришь, такъ онъ и руками, и ногами. Чуденъ онъ у меня уродился. О комъ я ему когда ни говорила, отвѣчаетъ все одно: „она мнѣ не по сердцу“. Была одна, коли вы вспомните, дочь капитана, котораго самъ великій императоръ обласкалъ въ молодости, и дѣвушка хорошая, приглядная. Одно время мой Никуша помалкивалъ, какъ-будто соглашался, а затѣмъ вдругъ уперся и ни съ мѣста. Ужъ лучше такой жены и придумать было нельзя: и собой изрядная, и приданое изрядное. Моему Никушѣ и мнѣ о таковомъ бракѣ и во снѣ не снилось.

Если Анна Тихоновна, обыкновенно молчаливая, сказала чуть не цѣлую рѣчь, то это случилось потому, что вопросъ о женитьбѣ ея Никуши былъ ея больнымъ мѣстомъ.

Князь, спрашивая, думала-ли она объ этомъ какъ слѣдуетъ, не зналъ, что женщина думала и думаетъ объ этомъ ночь и день. Днемъ она раздумываетъ и размышляетъ, а ночью видитъ во снѣ: то Никуша женится, то женился, то вѣнчается, то свадьба его какая-то разстроилась. Эти сны бывали всегда почти одни и тѣ-же. Вездѣ и всегда былъ Никуша и всегда дѣло шло объ его женитьбѣ.

— Не хочешь-ли ты, моя дорогая, — заговорилъ князь, — чтобы я тебѣ въ помощь былъ?

— Какъ-же такъ? — спросила Анна Тихоновна.

— А вотъ такъ, возьмусь я за дѣло, соберусь его женить. Или, скажемъ, такъ, по правдѣ: о женитьбѣ его я уже думалъ и надумалъ, какъ ему жениться. Пожелаешь-ли ты, чтобы твой Никуша сталъ очень богатымъ? страсть, какъ богатымъ?

— И нѣтъ, что вы! Богъ съ вами, ваше сіятельство! Этого не нужно. Съ богатствомъ всякія бѣды приходятъ.

— Ну, это, голубушка моя, пустое и бабье разсужденіе. Бѣды бываютъ и у бѣдныхъ, и у богатыхъ, и богатымъ эти бѣды причиняютъ гораздо менѣе ущерба. А скажи мнѣ, Анна Тихоновна, какъ тебѣ покажется, если я Никушу, который мнѣ, собственно говоря, боковой, но родной племянникъ, усыновлю? Будетъ онъ у меня за родного сына. Поняла?

Анна Тихоновна слегка перемѣнилась въ лицѣ, широко раскрыла глаза и глядѣла на князя почти безсмысленно.

— Ну, поняла ты?

— Нѣтъ, батюшка князь, ничего не поняла.

— Какъ-же мнѣ тебѣ тогда пояснить? Слушай! Поѣду я въ Питеръ и буду челомъ бить государынѣ-царицѣ, разъясню ей, какъ все съ тобой приключилось, какъ братъ Григорій Григорьевичъ съ тобою жилъ какъ-бы въ бракѣ и какъ собирался жениться ради своего сына Никуши, и если не женился, то только по милости великаго несчастья. Не убей его кони, была-бы ты княгиней Ягузинской, а Никушу въ деревнѣ, въ глуши — конечно, заднимъ числомъ — узаконили-бы и доказать было-бы ничего нельзя. Записали-бы его въ книжку церковную родившимся вчера, хотя-бы ужъ онъ года два на свѣтѣ былъ. И было-бы все въ порядкѣ, и спорить было-бы некому, кромѣ меня одного. А я по любви къ брату спорить-бы не сталъ и кляузничать ни за что-бы не началъ. Ну, вотъ ударю челомъ царицѣ, буду просить, чтобы своего родного племянника усыновить. И будетъ онъ уже не Никита Узинскій, а князь Никита Ягузинскій. А когда это совершится законнымъ образомъ, остается мнѣ его только женить. И ужъ, понятное дѣло, женить такъ, чтобы не то что Москва, а обѣ столицы, да и всякіе большіе города на Руси ахнули и диву дались. Не затѣмъ я его сдѣлаю княземъ Ягузинскимъ, чтобы онъ гроши имѣлъ и жилъ въ маленькомъ домишкѣ. А какъ ты полагаешь, на комъ я тогда его женю? кто моя ему наречепная? Отвѣчай!

Анна Тихоновна молчала.

— Отвѣчай-же что-нибудь! Поняла ты все, что я тебѣ сказалъ?

— Поняла, — чуть слышно отозвалась Завьялова.

— Что-же на это скажешь?

Женщина молчала.

— Да что-же ты будто пришибленная сидишь? Что-же я тебѣ бѣдовое что сказалъ? противное что-нибудь? Вѣдь, я тебѣ самое хорошее, какое только выдумать можно, объяснилъ. Отвѣчай!

— Боюсь я, — тихо отозвалась Анна Тихоновна.

И звукъ ея голоса до такой степени напомнилъ голосъ Мариночки, это слово „боюсь“ было сказано такимъ ребяческимъ голосомъ, что князь невольно разсмѣялся:

— Прямо Маріанна Павловна отвѣтила, а не ты. Ну, скажи, чего-же ты боишься?

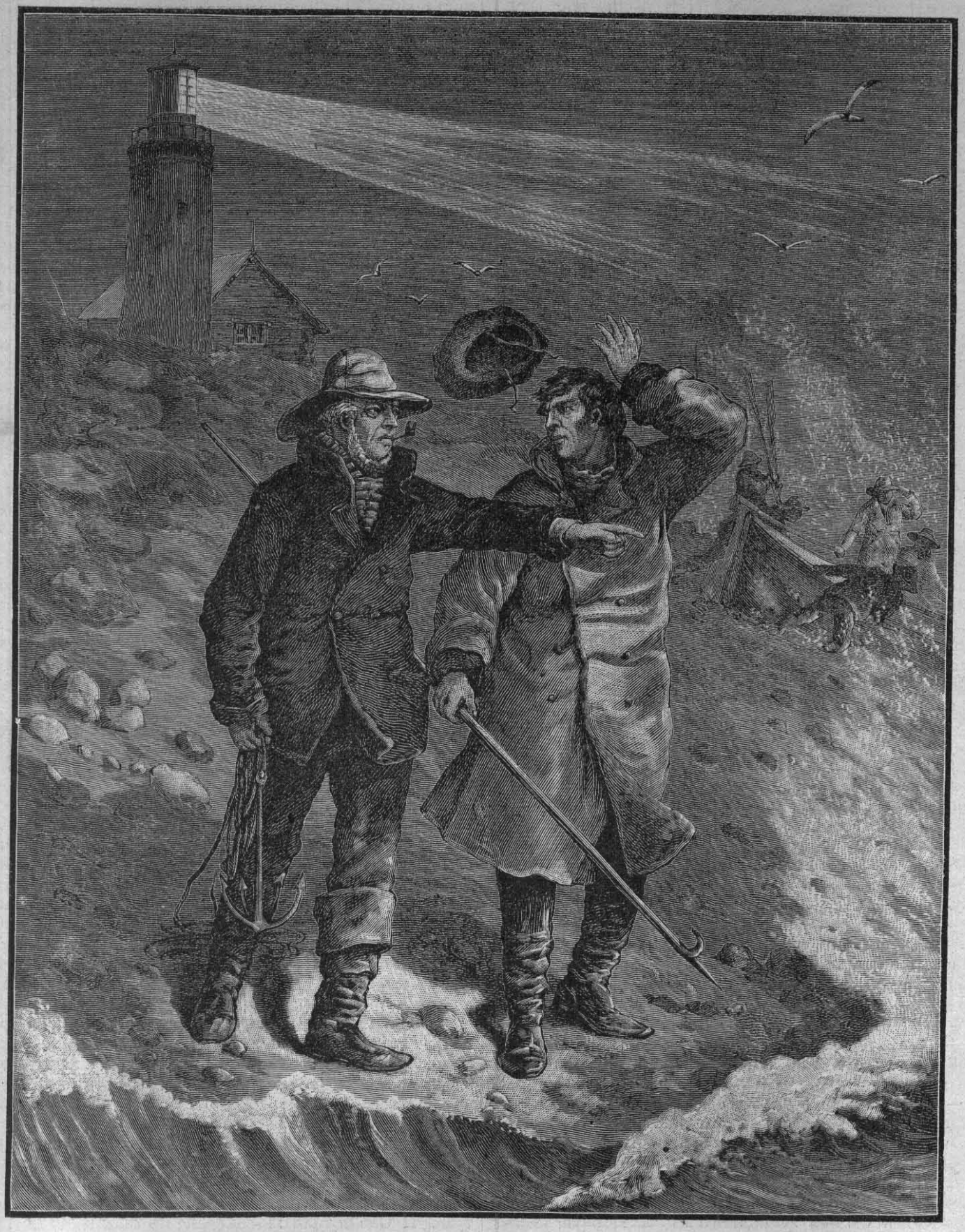
— Не знаю, батюшка князь, а дѣло это что-то страшное, ужъ очень диковинное. Подумать о немъ цѣлый годъ, можетъ, оно и представится какъ-нибудь на другой ладъ. А вотъ сейчасъ меня ужъ больно страхъ обуялъ. Ужъ вы лучше позовите брата Антона Тихоновича, ему скажите, а меня избавьте, меня только одна роба беретъ.

— Я съ тебя, Анна Тихоновна, начать хотѣлъ, а, понятное дѣло, послѣ тебя буду бесѣдовать и съ Антономъ Тихоновичемъ. Все это — дѣло мужское, а не бабье, я только хотѣлъ прежде всего поговорить съ тобой только потому, что ты — мать родная молодца, котораго я хочу осчастливить. — И, будто дѣло было спѣшное, князь, отпустивъ женщину, тотчасъ-же велѣлъ ей послать къ себѣ брата. — А главное, Анна Тихоновна, ничего ты Антону Тихоновичу не говори. Я самъ скажу. А ты только пойди, да и пошли его сюда.

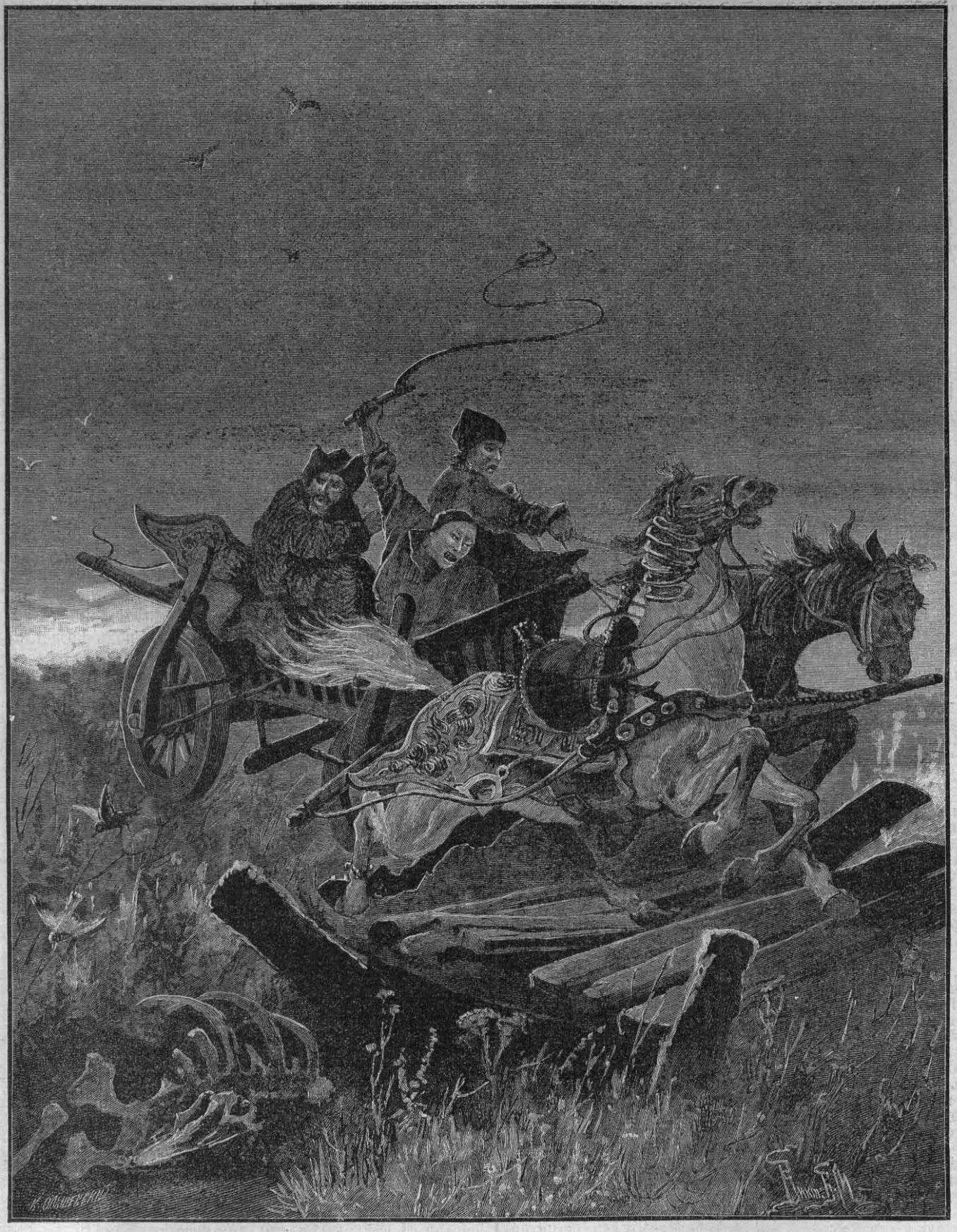
Женщина отправилась къ себѣ внизъ и двигалась, слегка пошатываясь, какъ угорѣлая. Дѣйствительно, ей казалось, что все кругомъ нея заволокъ какой-то туманъ. Она думала:

„Никуша будетъ княземъ Ягузинскимъ и будетъ богачемъ“.

И эта мысль дѣйствовала на нее особенно. Ей казалось, что все у нея внутри дрожитъ и что отъ такого извѣстія можно только сильнѣе захворать и, пожалуй, помереть.



ВЪ БУРНУЮ НОЧЬ У МАЯКА. Ориг. рис. **Г. Бролинга;** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**



БѢГСТВО КРЫМСКАГО ХАНА САИПЪ ГИРЕЯ (1541 г.). Оригин. рис. **В. Муйжеля**; гравир. для „Родины“ **К. Ольшевскій.**

Переговоривъ о томъ-же съ Антономъ Тихоновичемъ, потомъ опять съ женой, князь вдругъ, „заднимъ умомъ крѣпокъ“, рѣшилъ, что у него такой дивный планъ явился и созрѣлъ, что надо, не откладывая дѣла, ѣхать въ Петербургъ.

И онъ началъ собираться...

Но собирался князь Андрей Григорьевичъ на особый россійскій ладъ. При мысли о путешествіи онъ такъ восклицалъ:

„Питеръ—не Калуга... Д-д-а!.. Надо подумать“,—заканчивалъ онъ свою мысль.

(Продолженіе будетъ.)

Жизнь.

Утро... Солнце... Небо ясно...
Ручейки журча текутъ...
Сердце рвется къ счастью страстно
И мечты... мечты плывутъ..
Полдень.. Солнце ужъ высоко...
Пѣсни, золото, цвѣты...
Дышитъ грудь легко, глубоко...
Счастье льется съ высоты...
Вечеръ... Солнце догораетъ...
Краски блекнутъ... все темнѣй.

Призракъ горя пролетаетъ...
Слезы льются изъ очей...
Ночь темна, что мракъ могильный...
Вѣтеръ стонетъ, сычъ кричитъ...
Взглядъ погасъ въ тоскѣ безсильной...
Смерть угрюмо сторожитъ...
Снова зорька загорится...
Снова лучъ сверкнетъ съ небесъ,
Но ужъ сердцу не забыться
Жаждой сказочныхъ чудесъ...

Вл. Николаевъ.

Суворовскій музей-памятехранилище въ С.-Петербургѣ.

(Съ рисунками на стран. 367, 369 и 377.)

Въ одной изъ своихъ одъ Державинъ восклицаетъ:

«Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ...
Твой-ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?»

Увы! слишкомъ столѣтіе прошло съ того дня, когда чудо-вождь, изображенный во вдохновенныхъ державинскихъ строкахъ, легъ навсегда въ могилу...

Его великая слава пережила его... Она не померкла даже въ теченіе цѣлаго столѣтія и—

«Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ въ морскихъ водахъ»—

продолжаетъ жить въ памяти потомковъ и удивлять своими положительно сказочными подвигами. Онъ—единственный, создавшій себѣ памятникъ нерукотворный, — памятникъ въ сердцахъ потомства, слушающаго уже создавшіяся легенды объ этомъ чудо-человѣкѣ...

«Въ дремучемъ лѣсу, среди болотъ лежитъ огромная каменная глыба съ пещерою внутри,—разсказываетъ одну изъ такихъ легендъ біографъ героя А. Петрушевскій,—ходъ въ нее изъ-подъ болота. Дурная слава про это мѣсто: тамъ блуждаютъ синіе огоньки, носятся блѣдныя тѣни, слышатся тоскливые, жалобные стоны. Филинъ не пролетаетъ надъ сѣдымъ мшистымъ камнемъ, волкъ на немъ не воетъ, крестьянинъ, невзначай сюда попавшій, обходитъ дикое мѣсто, кладя на себя крестное знаменіе. Всегда здѣсь тихо и мертво. Только воронъ каркаетъ повременамъ надъ каменной глыбой да вьется хищный орелъ, успокаивая клектомъ своимъ старца, почивающаго неземнымъ сномъ въ пещерѣ, внутри камня. Черезъ малое отверстіе брезжетъ оттуда тусклый, слабый свѣтъ неугасимой лампады да доносится глухое замогильное поминовеніе князю рабу Божіему Александру. Въ глубинѣ скалы спитъ самъ дѣдушка, склонивъ сѣдую голову на уступъ камня.

«Давно онъ спитъ и долго спать будетъ. Только, когда покроется русская земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется великій русскій воинъ, выйдетъ изъ своей усыпальницы и избавитъ отечество отъ лютой невзгоды»...

Но, кромѣ легенды и кромѣ нерукотворныхъ памятниковъ, въ недавнее время создался еще одинъ памятникъ Суворову—Суворовскій музей, открытый въ концѣ прошлаго 1904 г. при Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Пользуясь сообщеніями «Правительств. Вѣстника», а также отчетами хозяйственно-строительной комиссіи и комиссіи по устройству музея, мы приведемъ здѣсь и нѣкоторыя данныя по исторіи возникновенія Суворовскаго музея-памятехранилища и также скажемъ нѣсколько словъ и о самомъ музеѣ.

2-го марта 1898 года Его Императорскому Величеству благоугодно было, ввиду приближенія столѣтія со дня кончины генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, повелѣть открыть подписку по имперіи и въ войскахъ для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника или созданіе музея съ цѣлью возвеличенія и увѣковѣченія памяти великаго русскаго полководца, а для разработки вопроса о лучшемъ выполненіи Высочайшей воли—образовать особую при главномъ штабѣ комиссію, подъ предсѣдательствомъ генерала Бобрикова.

Дѣятельность этой комиссіи выразилась въ сборѣ свѣдѣній о сохранившихся предметахъ, связанныхъ съ памятью великаго вождя, въ разсылкѣ подписныхъ листовъ и въ сборѣ пожертвованій, въ составленіи предположенія объ установленіи въ періодъ войсковыхъ вольныхъ работъ одного дополнительнаго дня съ тѣмъ, чтобы заработныя деньги поступали въ суворовскій капиталъ, въ установленіи предположенія объ установленіи наилучшаго способа увѣковѣченія славной памяти князя Суворова, именно, музеемъ, а не памятникомъ, и въ первоначальной разработкѣ условій конкурса и программы для проэкта зданія намѣченнаго музея.

17-го октября 1899 г. конференція Николаевской академіи генеральнаго штаба имѣла счастье услышать Всемилостивѣйшее соизволеніе на сооруженіе Суворовскаго музея при Николаевской академіи генеральнаго штаба съ тѣмъ, чтобы все дѣло по этому вопросу, возложенное на бывшую особую комиссію при главномъ штабѣ, было передано попеченію названной академіи.

Приступивъ, во исполненіе воли Его Императорскаго Величества, къ сбору предметовъ, связанныхъ съ памятью генералиссимуса Суворова, Николаевская академія генеральнаго штаба прежде всего остановила вниманіе на самомъ священномъ изъ сохранившихся памятниковъ, на деревянной церкви въ усадьбѣ при с. Кончанскомъ, вотчинѣ Суворова, имѣя въ виду создать изъ суворовской церкви, изъ тѣхъ предметовъ ея, которые пока сохранились, зерно будущаго Суворовскаго музея-памятника.

Узнавъ о планахъ и предположеніяхъ академіи, владѣлецъ заповѣднаго имѣнія села Кончанскаго, дворянинъ Владиміръ Молоствовъ, выразилъ свое согласіе на безвозмездное отчужденіе изъ состава заповѣднаго имѣнія тѣхъ построекъ и предметовъ, на которые академія укажетъ, какъ на необходимые для создаваемаго музея.

Этотъ даръ былъ принятъ, и 15-го марта 1900 года, послѣ торжественнаго богослуженія, было приступлено къ разборкѣ церкви въ Кончанскомъ трудами нижнихъ чиновъ 18-го саперная батальона. 17-го марта войсковыя части петербургскаго гарнизона приступили къ расчисткѣ мѣста для церкви на Преображенскомъ плацу. 23-го марта, послѣ богослуженія, приступлено къ сборкѣ Суворовской церкви, при участіи нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи саперная батальона, а 23-го апрѣля всѣ работы были уже закончены и 3-го мая церковь освящена. Въ слѣдующемъ году на счетъ суммъ, собранныхъ

для увѣковѣченія памяти Суворова, вокругъ церкви возведена каменная обводная галлерея, внутренняя отдѣлка коей закончена въ минувшемъ году на средства церковнаго старосты В. П. Крутова, употребившаго для этой цѣли свыше десяти тысячъ рублей. Въ Кончанскомъ-же, на мѣстѣ перенесенной церкви, возведена новая каменная, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коллежскаго совѣтника Строганова.

Такимъ образомъ, была закончена, такъ сказать, первая часть создаваемаго въ Петербургѣ достойнаго памятехранилища незабвенному русскому вождю.

Затѣмъ комиссія занялась сборомъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ увѣковѣченію памяти незабвеннаго вождя, и въ то-же время было рѣшено поручить составленіе проэкта этого музея академику архитектуры фонъ Гогену, по проэкту котораго уже строилось зданіе академіи. Въ апрѣлѣ 1901 года проэктъ фонъ Гогена былъ представленъ на предварительное разсмотрѣніе въ инженерный комитетъ, а 5-го мая того-же года былъ повергнутъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе и получилъ Высочайшее утвержденіе.

8-го іюня 1901 года состоялась закладка музея на участкѣ по Кирочной улицѣ, ранѣе принадлежавшемъ офицерской кавалерійской школѣ. Производителемъ работъ былъ назначенъ авторъ проэкта, академикъ фонъ Гогенъ. Работы велись хозяйственно-строительною комиссіею съ большою энергіею и уже къ осени того-же 1901 года стѣны зданія были подведены подъ крышу и построенъ домъ для служащихъ при церкви и музеѣ; но дальнѣйшее продолженіе столь-же быстраго хода работъ встрѣтило значительныя препятствія, ввиду необходимости художественнаго исполненія при чистой отдѣлкѣ зданія.

Много потребовалось времени для выполненія мозаикою картинъ художниковъ Попова и Шабунина, помѣщенныхъ на наружныхъ стѣнахъ музея, а равно для облицовки зданія кирпичемъ, для устройства паро-водяного отопленія и вообще для художественной внутренней отдѣлки, и только нынѣ, т. е., черезъ три съ половиною года, зданіе музея можно считать вполнѣ законченнымъ.

Музей былъ сооруженъ на собранныя путемъ пожертвованій суммы, превысившія въ общей сложности триста тысячъ рублей, въ числѣ ихъ «Суворовскій солдатскій рабочій день» далъ 76.235 руб. 13-го октября 1904 г. состоялось освященіе и открытіе музея.

Зданіе музея сооружено на академическомъ участкѣ Преображенскаго плаца, въ стилѣ московскихъ кремлевскихъ построекъ. Вестибюль, въ видѣ двухъэтажной башни, украшенъ вверху двуглавымъ орломъ. Передній фасадъ, выходящій на Кирочную ул., вмѣсто оконъ, имѣетъ двѣ громадныя мозаичныя картины (по 12 арш. длины и 5½ высоты): одна изъ нихъ изображаетъ отъѣздъ Суворова 7-го февраля 1799 года изъ Кончанскаго для принятія, по призыву императора Павла, начальствованія надъ русскими и австрійскими войсками въ Италіи; другая—передаетъ одинъ изъ тяжелыхъ моментовъ швейцарскаго похода, а именно: движеніе войскъ Суворова 17-го сентября 1799 года изъ Альтдорфа въ Мутенскую долину черезъ перевалъ Росштокъ-Кинцигъ-Кульмъ. Мозаичныя работы исполнены обществомъ взаимнаго вспомоществованія русскихъ художниковъ по картинамъ, писаннымъ художниками Шабунинымъ и Поповымъ. Картина Шабунина изображаетъ ту минуту, когда Суворовъ въ радостномъ и умиленномъ настроеніи, съ царскимъ письмомъ въ рукахъ, выходитъ, послѣ напутственнаго молебна, въ сопровожденіи священника изъ своего маленькаго храма въ селѣ Кончанскомъ. Крестьяне подносятъ ему складень. Съ лѣвой стороны виденъ домъ, въ которомъ фельдмаршалъ прожилъ два года ссылки и опалы, на заднемъ планѣ лѣсистый холмъ, извѣстный подъ названіемъ «Дубихи», гдѣ Суворовъ любилъ проводить долгіе часы своего уединенія; невдалекѣ отъ дома стоятъ запряженныя сани и кибитка. Зимній пейзажъ освѣщенъ солнцемъ. Для выполненія своей работы Шабунинъ неоднократно посѣщалъ с. Кончанское. Картина Попова написана художникомъ послѣ пребыванія въ Швейцаріи и изученія на мѣстѣ того труднаго пути, по которому двигались войска Суворова черезъ Альпы. На картинѣ видна растянувшаяся по направленію къ вершинамъ Росштокъ и Фоуленъ колонна русскихъ. Суворовъ верхомъ на донскомъ конѣ съ затаенной грустью смотритъ на движеніе своихъ чудо-богатырей, преодолѣвающихъ трудности борьбы со стихіями. Около него вѣрный Антоніо Гамма, 65-тилѣтній швейцарецъ-проводникъ, показываетъ на вершину Росштокъ и на тонкую линію колонны, ползущей къ перевалу; тутъ-же безотлучный казакъ; кругомъ въ разныхъ позахъ пріостановившіяся какъ-бы для короткаго отдыха группы солдатъ.

Въ романѣ «Чудо-богатыри», изданія А. А. Каспари, первое событіе изложено въ такомъ видѣ.

Жизнь Суворова совершенно справедливо сравниваютъ съ шекспировской драмой—столько въ ней переходовъ отъ чудного къ великому...

Воскресный день. Солнце ярко свѣтитъ съ неба. Улица Кончанскаго пестрѣетъ одѣтыми по-праздничному мужиками и бабами... У околицы на площадкѣ играютъ въ бабки ребятишки...

— Не Сенькѣ бить!—раздается среди нихъ старческій голосъ,—ишь ты, пострѣлъ, моя, вѣдь, очередь!

И въ конъ летитъ бабка-свинчатка, пущенная вѣрною рукою...

— Вышибъ! вышибъ! — снова звенитъ тотъ-же голосъ среди дѣтскихъ голосовъ,—четыре пары моихъ!..

Ребятишки спорятъ, ссорятся, не отдаютъ старику выбитыхъ имъ бабокъ...

А этотъ старикъ—тотъ, предъ кѣмъ трепетали турки и поляки, тотъ, кто «ступитъ на горы—горы трещатъ, ляжетъ на воды — воды кипятъ, гр ду коснется — градъ упадаетъ», тотъ, «кто башни рукою за облакъ кидаетъ». Это—чудо-вождь русскихъ чудо-богатырей, фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ Суворовъ...

Онъ играетъ въ бабки, а поодаль отъ него, зорко слѣдя за каждымъ его движеніемъ, стараясь не пропустить ни одного его слова сидитъ приставленный для наблюденія за нимъ полицейскій...

Но ничего не можетъ донести Николаевъ—такъ звали это «око опалы»—въ Петербургъ... Ни жалобъ, ни сѣтованій не слышно отъ Суворова. Онъ веселъ и спокоенъ. Чуть только солнышко на небѣ—Александръ Васильевичъ уже на ногахъ, отправляется на колокольню звонить, потомъ слушаетъ заутреню и обѣдню, во время которыхъ исполняетъ обязанности дьячка: поетъ на клиросѣ, читаетъ апостола, подаетъ священнику кадило. Онъ при церкви—и пономарь, и дьячекъ. Послѣ этого онъ обѣдаетъ, отдыхаетъ и идетъ въ деревню, гдѣ слушаетъ деревенскія сплетни, миритъ ссоры и споры, вмѣшивается въ игры парней, прыгаетъ, бѣгаетъ, играетъ въ бабки съ ребятами...

Только иногда надъ чѣмъ-то глубоко-глубоко задумывается онъ, и слышитъ полицейскій, какъ бормочетъ тогда опальный герой:

— О, пора, пора унять мальчика! Далеко шагаетъ!

Но развѣ могъ понять невѣжда-приставъ, что эти слова попавшаго подъ его надзоръ чудо-вождя относятся къ новой знаменитости, «l'homme du destin» — человѣку судебъ — Наполеону Бонапарте.

Когда наступаетъ вечеръ, Суворовъ удаляется въ свою крохотную спаленку...

О, здѣсь онъ не одинъ! Здѣсь его карты, планы, книги, посредствомъ ихъ онъ бесѣдуетъ со своими собратьями—великими стратегами всѣхъ вѣковъ, переживаетъ вновь свое прошедшее и грезитъ о будущемъ...

И ни одной жалобы, ни одного упрека!

Но это-маска, маска, достойная героя. И въ своей опалѣ Суворовъ гордъ и непоколебимъ. Ему-ли, не задумавшемуся кинуть позорный упрекъ баловню счастья — всемогущему Потемкину, склониться предъ новыми временщиками, которымъ даже въ ихъ всемогуществѣ такъ-же далеко до Потемкина, какъ далеко мокрымъ курицамъ до могучаго ястреба?!

Изъ Петербурга уже не разъ дѣлали ему намеки, что, по первой-же его просьбѣ, опала будетъ снята и всѣ милости вновь прольются на него...

Нѣтъ, Суворовъ наотрѣзъ отказывался отъ всѣхъ предложеній: онъ не хотѣлъ милости и всѣми силами старался при всякой возможности показать это...

Изъ Петербурга къ нему былъ присланъ пакетъ съ нарочнымъ.

Этотъ пакетъ былъ адресованъ: «Фельдмаршалу Суворову».

— Письмо не ко мнѣ! — объявилъ Александръ Васильевичъ курьеру.

— Это письмо написано по волѣ государя! — отвѣтилъ курьеръ.

— Не вѣрю! я не могу вѣрить... Я здѣсь названъ фельдмаршаломъ, а если я—фельдмаршалъ, то я долженъ быть при арміи, а не подъ стражей въ деревнѣ.

Результатомъ этого отзыва было то, что Александра Васильевича потребовали въ Петербургъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я не поѣду!

И сейчасъ-же онъ написалъ императору письмо, въ которомъ просилъ его позволенія поселиться въ Ниловой новгородской пустыни.

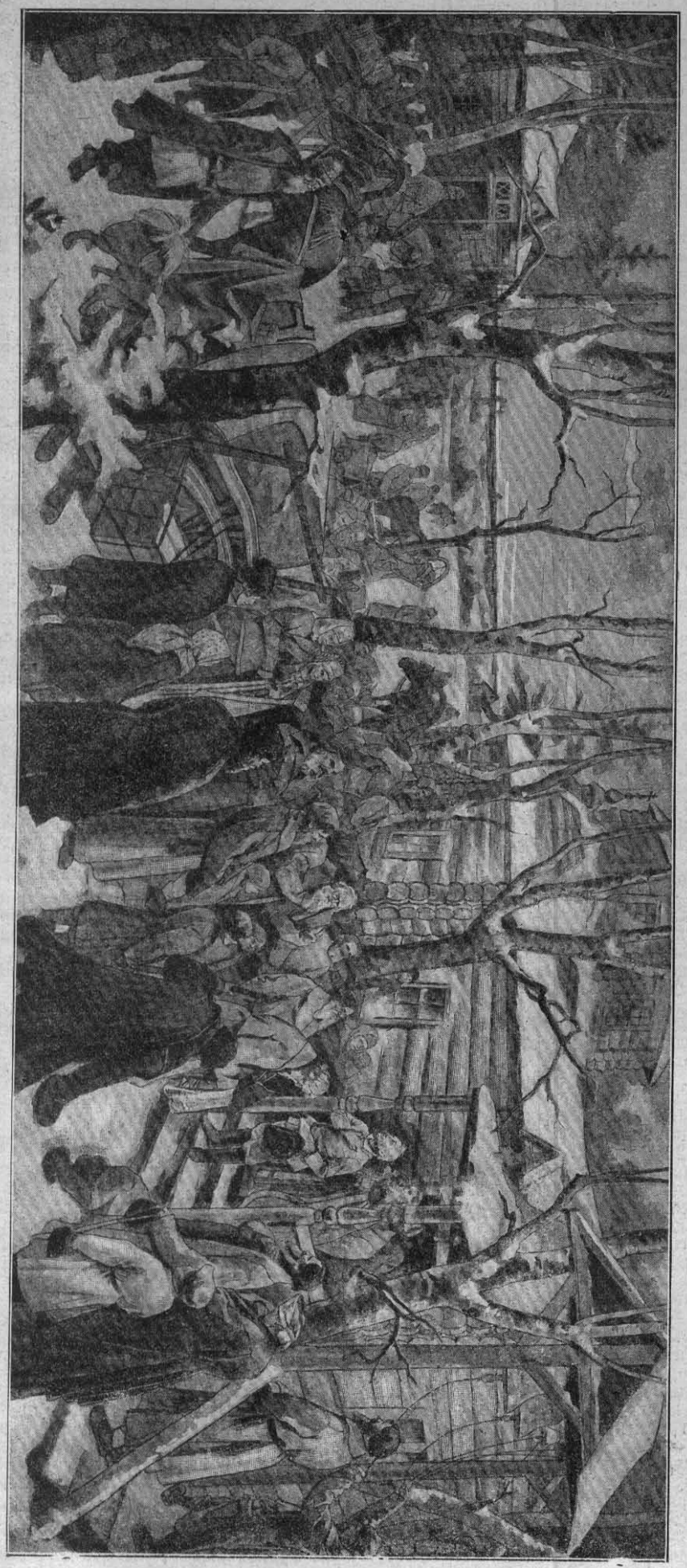
Вотъ это знаменитое письмо.

«Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Монархъ!

«Ваше Императорское Величество всеподданѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову новгородскую пустынь, гдѣ намѣренъ я окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый государь! Повергаю себя къ священнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ графъ Суворовъ-Рымникскій».

Послѣ этого письма его оставили въ покоѣ...

Между тѣмъ, успѣхи французскаго революціоннаго оружія привели въ смятеніе всѣхъ монарховъ Европы. Импера-



Суворовскій музей. ОТЪѢЗДЪ СУВОРОВА ИЗЪ КОНЧАНСКАГО. Съ картины Н. Шабунина.

торъ Павелъ послалъ въ Австрію вспомогательный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Розенберга, но Англія и Австрія обратились къ русскому императору съ просьбой ввѣрить начальство надъ союзными войсками Суворову, имя котораго продолжало гремѣть во всей Европѣ. Его побѣды надъ турками, штурмъ Измаила, погромъ Праги были у всѣхъ еще на памяти...

А герой въ это время игралъ въ бабки съ кончанскими ребятишками.

Въ одно изъ воскресеній конца января Александръ Васильевичъ отправился къ священнику «на водку». Началась обычная бесѣда между «кончанской интеллигенціей». Говорили про Боровичи и каковъ тамъ городничій...

— Ну, капитанъ-исправница Аксинья Степановна всѣхъ въ Боровичахъ за поясъ заткнетъ!—высказалъ кто-то интересное мнѣніе.

— А что?

— Да пляшетъ больно лихо... словно пава какая...

Говорившій хотѣлъ распространиться и о другихъ достоинствахъ Аксиньи Степановны, но звонъ колокольчиковъ заставилъ всѣхъ смолкнуть.

Батюшка заглянулъ въ окно и сказалъ только одно слово:

— Фельдъегерь!

У всѣхъ замерло сердце... Просьба Суворова о переселеніи въ Нилову пустынь, а также вспыльчивость императора Павла были извѣстны и здѣсь...

«Увезутъ Александра Васильевича», — промелькнула у всѣхъ тревожная мысль.

А самъ Суворовъ былъ совершенно спокоенъ и даже сказалъ, когда фельдъегерская тройка промчалась мимо:

— Въ Новгородъ, вѣрно!

Но не мимо мчалась эта тройка. Черезъ нѣсколько минутъ въ столовую вбѣжалъ запыхавшійся Прошка; слѣдомъ за нимъ шелъ запыленный, усталый фельдъегерь.

Онъ вытянулся въ струнку предъ Суворовымъ и сказалъ:

— Отъ государя императора!

Александръ Васильевичъ быстро распечаталъ конвертъ и прочелъ присланный ему Высочайшій рескриптъ такого содержанія:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Теперь не время расчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше — спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю къ вамъ доброжелательнымъ. Павелъ».

Когда Суворовъ кончилъ читать, лицо его было орошено слезами. Онъ какъ-будто видѣлъ предъ собой императора Павла, монарха, увлекавшагося минутою гнѣва, но умѣвшаго великодушно мириться съ оскорбленнымъ и награждать за терпѣніе, и поцѣлуемъ своимъ, запечатлѣннымъ на рескриптѣ, хотѣлъ выразить свои чувства...

— Слава въ вышнихъ Богу! — произнесъ съ чувствомъ Александръ Васильевичъ и закричалъ:—часъ собираться, другой отправляться! Ѣду съ четырьмя товарищами: я въ повозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей восемнадцать, а не двадцать четыре. Взять на дорогу двѣсти пятьдесятъ рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку. Да я-жъ служилъ за дьячка, пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ...

А самъ, проговоривъ это, стремглавъ побѣжалъ въ церковь, велѣлъ отслужить молебенъ и, стоя на колѣнахъ, пѣлъ, молился и плакалъ...

Въ первыхъ числахъ февраля по улицамъ Петербурга во весь опоръ неслась убогая почтовая кибитка. Кибитка промчалась къ Зимнему дворцу и остановилась у главнаго подъѣзда. Изъ нея выскочилъ маленькій сѣденькій старичекъ и вприпрыжку побѣжалъ по дворцовой лѣстницѣ...

Тотчасъ-же по всему Петербургу пронеслась радостная вѣсть:

— Суворовъ пріѣхалъ...

Что за восторгъ объялъ въ этотъ день всю невскую столицу! Народъ, войска словно Свѣтлый праздникъ встрѣчали. На улицахъ незнакомые поздравляли другъ друга и благословляли императора Павла, поборовшаго свое нерасположеніе къ полководцу его матери...

Содержаніе второй картины Попова, въ томъ же романѣ передано въ слѣдующемъ разсказѣ.

Суворовскіе чудо-богатыри пошли черезъ Сенъ-Готардъ, Чертовъ мостъ, горный хребетъ Росштокъ, и имъ на ихъ пути къ выходу изъ горъ явилась новая преграда.

Предъ ними теперь было еще нѣчто болѣе ужасное, чѣмъ перейденный ими непроходимый Росштокъ... Чудо-богатырямъ преграждалъ путь снѣговой хребетъ Ринненкампфъ *), черезъ который не было прохода даже и одинокимъ путникамъ.

Проводники-швейцарцы разбѣжались, лишь только стало извѣстнымъ, что наутро чудо-богатыри пойдутъ черезъ Ринненкампфъ. Какъ ни привычны были къ горамъ эти люди, они были увѣрены, что подобный переходъ внѣ человѣческихъ силъ.

— Тутъ только Рюбецаль со своими духами горъ можетъ пройти!—говорили они,—для людей это немыслимо.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ хребетъ вела узенькая тропа, по которой можно было идти только гуськомъ, одинъ за другимъ... Пролегала она по косогору или по отвѣснымъ обрывамъ пропастей, то взвиваясь, на недосягаемую высоту, то скатываясь въ глубокіе овраги, то переходя черезъ быстрые потоки, то теряясь въ снѣжной пустынѣ...

Но и этого, казалось, природѣ было мало въ ея послѣднемъ усиліи побѣдить чудо-богатырей!.. Эта единственная тропинка вслѣдствіе долгаго ненастья стала непроходимой и обратилась въ сплошной обледенѣлый карнизъ, покрытый снѣгомъ... Не было даже тѣхъ уступовъ-ступеней, по которымъ чудо-богатыри карабкались черезъ Росштокъ. Не во что было всадить спасительный штыкъ, чтобы, повиснувъ на немъ, на рукахъ подняться на крутизну. Штыкъ не входилъ въ камень, скрытый снѣгомъ. Но чудо-богатыри совершенно хладнокровно готовились къ предстоящему пути черезъ Битнесбергъ—каменистую крутую гору, по которой только одной можно было совершить четырнадцативерстный переходъ отъ Эльма въ д. Паниксъ, откуда уже открывалась совершенно отлогая дорога на Иланцъ.

— Наплевать! Перейдемъ!—говорили солдатики,—съ нами Богъ!...

Засвѣтло еще, пока армія стягивалась къ Эльму, голодные солдаты изобрѣли способъ раздобываться скудною пищею.

Ужасный былъ способъ! Солдаты охотились на булки и хлѣбъ.

Останавливаясь у Эльма, чудо-богатыри и поодиночкѣ, и по-двое, и по-трое, а то и цѣлыми кучками, перебѣгали къ Багратіону, въ арьергардъ, гдѣ на русскихъ по пятамъ насѣдалъ непріятель.

Тамъ-то и орудовали организаторы охоты за булками — казаки.

— Ну, за жратвомъ прибѣжалъ, что-ли?—спрашиваетъ высокій бородатый донецъ у пѣхотинца, егеря или гренадера.

— И, родимый, все брюхо подвело!

— То-то подвело... Ну, есть патроны-то?

— Вотъ, три штуки...

— Давай сюда!

Казакъ заряжалъ винтовку.

— Какъ на «ура» побѣжишь, не зѣвай... Ежели офицеръ—не трогай, за солдата берись... У солдата или унтера ихняго всегда булки съ собой! Ну, помоги Господи!

И казакъ прицѣливался, а вмѣстѣ съ нимъ и еще двое-трое товарищей, раздобывшихся патронами, въ наступавшую шагахъ въ полутораста цѣпь стрѣлковъ.

Раздавались выстрѣлы, въ цѣпи падали люди, тотчасъ вслѣдъ за этимъ гремѣло «ура», и голодавшіе пѣхотинцы съ ружьями наперевѣсъ

Суворовскій музей. ПЕРЕХОДЪ СУВОРОВА ЧЕРЕЗЪ АЛЬПЫ. Съ картины А. Попова.

*) Пинаксъ.

кидались къ французамъ; тѣ немедленно отступали, не подбирая своихъ раненыхъ, а солдаты принимались обшаривать положенныхъ на мѣстѣ враговъ, отбирая у нихъ хлѣбъ и булки... Денегъ и драгоцѣнностей не бралъ никто. Голоднымъ нуженъ былъ хлѣбъ, и они добывали его... Они голодъ утоляли булками, пропитанными человѣческою кровью, и даже чувство брезгливости ни на мигъ не пробуждалось въ нихъ...

Но, добывая такою ужасною цѣною пищу, солдаты думали не объ однихъ себѣ, они тутъ-же добродушно дѣлились съ начальниками своею кровавою добычей.

Авангардъ Милорадовича не останавливался на ночлегъ въ Эльмѣ. Его отрядъ сразу-же приступилъ къ ужасному переходу черезъ Ринненкампфъ.

Наконецъ, ужасный переходъ былъ начатъ. Люди пошли стойко и твердо. Въ началѣ подъема эти герои вязли въ грязи, спотыкались, падали, летѣли подъ кручи. Чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе было идти. Приходилось имъ идти на четверенькахъ или прямо карабкаться по обледенѣлому карнизу. Густыя тучи сплошь одѣли всю гору. Солдаты лѣзли вверхъ прямо наобумъ, не зная, куда они ползутъ, проваливаясь въ снѣжные сугробы и замерзая тамъ, если не было возможности выбраться. Шедшему сзади не было видно слѣдовъ переднихъ. Ужасная вьюга, бушевавшая цѣлый день, сметала все на своемъ пути. Послѣдніе вьюки гибли. Вся артиллерія была побросана въ пропасти. Изъ-за облаковъ слышны были глухіе раскаты грома, чудо-богатыри карабкались все выше и выше...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Наслѣдство.

Очеркъ **М. Липской.**

I.

НАТАЛЬЯ Николаевна Болотова сидѣла, тупо глядя предъ собой и какъ-то странно наклонивъ впередъ голову. Предъ ней лежалъ маленькій трупикъ ея сына, ея Вовы, ея дорогого мальчика. Густая шапка рыжихъ волосъ точно золотымъ ореоломъ окружала кругленькое дѣтское личико, не успѣвшее еще сдѣлаться острымъ и принять страшный отпечатокъ смерти.

Болѣе двухъ часовъ сидѣла Наталья Николаевна, не мѣняя позы, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ушло духовенство, служившее панихиду, и въ тысячный разъ задавая себѣ все тѣ-же безсмысленные вопросы:

«Гдѣ-же онъ? Что съ нимъ случилось?.. Неужели онъ умеръ?.. по-настоящему умеръ и навсегда потерянъ для меня?..»

Все оставалось по-старому, ничто не измѣнилось. На дворѣ продолжала свирѣпствовать вьюга, дико завывая, словно сочувствуя и понимая ея отчаяніе. На диванѣ и стульяхъ безпорядочно были разбросаны его игрушки: любимый мальчикъ съ откусаннымъ носомъ, бѣленькая маленькая собаченка и безхвостая лошадь, его маленькіе чулочки, платьице и одинъ башмачекъ; другого не было, да и на что онъ былъ нуженъ?

Наталья Николаевна смотрѣла мутными глазами на всю эту знакомую обстановку и не могла понять, что-же, именно, измѣнилось, что исчезло, чего нѣтъ больше.

Безмолвіе ночи окружало ее. Въ домѣ царила мертвая тишина и даже старушка-няня, долго и тщетно старавшаяся уговорить ее лечь и успокоиться, ушла спать. Вся остальная прислуга, утомленная этимъ тяжелымъ, безпокойнымъ днемъ, искала отдыха и, думая о себѣ, забыла про барыню.

Одиноко горѣвшая лампа освѣщала ея молодое симпатичное лицо, застывшее и недоумѣвающее, безпорядочно растрепанные волосы и безпомощно опущенныя руки. Смерть сына была для нея неожиданнымъ ударомъ. Два дня назадъ онъ бѣгалъ, игралъ, ночью у него сдѣлался жаръ, появились какіе-то бѣлые налеты въ горлѣ, и докторъ опредѣлилъ дифтеритъ, собирался сдѣлать прививку, но не успѣлъ, ребенокъ сгорѣлъ, задохся въ однѣ сутки.

Страшный порывъ вѣтра, рванувшій и съ шумомъ растворившій ворота, вывелъ молодую женщину изъ оцѣпенѣнія. Она встала и медленными шагами дошла до окна.

Пустынная улица, слабо освѣщенная рѣдкими фонарями, была вся засыпана и занесена снѣгомъ. Напротивъ, въ маленькомъ покосившемся домикѣ горѣла лампа.

«Къ чему тамъ огонь?»—неопредѣленно промелькнуло въ головѣ Натальи Николаевны.

Гдѣ-то завыла собака, будто жалуясь на безсердечныхъ людей, оставившихъ ее въ такой холодъ ночевать на дворѣ.

Не отдавая себѣ отчета, машинально, точно автоматъ, Болотова повернула голову. Съ противоположной стѣны на нее глянулъ портретъ ея матери, красивой, стройной женщины. Большіе глаза весело и привѣтливо смотрѣли на Наталью Николаевну.

«И ея больше нѣтъ, и она умерла, а я все еще живу».

И въ ея душу ворвались свѣтлыя картины дѣтской жизни, какъ далекой зарницей освѣтивъ и на минуту разсѣявъ окружающій мракъ. Вотъ ея мать, всегда нарядная, всегда веселая, зашла перекрестить ее предъ сномъ, она куда-то ѣдетъ, ея ждутъ, и она торопится попрощаться со своей Натой. Черезъ минуту ея уже нѣтъ, и только модный тогда запахъ ириса говоритъ дѣвочкѣ, что это было не видѣніе. На утро Ната видитъ ее усталою, въ капотѣ, но ласковою, милою; послѣ завтрака гости или портниха, или необходимая поѣздка въ магазинъ. И такъ все время, изо дня въ день; она могла быть съ матерью только урывками.

Иногда-же ея не пускали къ матери по два и по три дня, говоря, что она больна, что докторъ запретилъ ее безпокоить.

Другая картина спѣшитъ на смѣну. Ночь, чуть теплится лампада въ углу предъ образомъ, разливая по комнатѣ фантастическій свѣтъ и придавая предметамъ необыкновенныя очертанія. Натѣ не спится; ей уже двѣнадцать лѣтъ, и ея маленькая головка начинаетъ задумываться надъ окружающимъ, она переживаетъ весь предыдущій день и хочетъ постигнуть, что произошло между отцомъ и матерью за обѣдомъ. Они спорили. Отецъ категорически запретилъ матери выѣзжать вечеромъ, стараясь ее убѣдить, что завтра она, навѣрное, опять будетъ больна. Мать возражала, но отецъ уже упорно молчалъ, недовольно и грустно опустивъ голову. Послѣ обѣда онъ сразу ушелъ, а въ девять часовъ за матерью заѣхали знакомые барыни и мужчины, и она, безпечно забывъ увѣщанія отца, весело укатила съ шумной компаніей. Ната была вся на сторонѣ матери. Сухія, какъ ей казалось, слова отца были несправедливы, и теперь, лежа въ кровати съ широко раскрытыми глазами, она мысленно восторгалась своей мамой.

«Почему отецъ запрещаетъ ей, такой молодой, красивой, веселиться, ѣздить, танцовать? почему? — Но отвѣта она никакъ не могла подыскать.—Онъ тоже, вѣдь, молодъ, красивъ, а, между тѣмъ, рѣдко выѣзжаетъ съ мамой... онъ всегда одинъ и она одна! почему?»

Вдругъ легкій шумъ шаговъ въ сосѣдней комнатѣ и шуршанье шелка по ковру вывели ее изъ размышленія. Въ дверяхъ она увидала фигуру матери. Боясь упрековъ и вопросовъ, почему и зачѣмъ она не спитъ, не болитъ-ли у нея что-нибудь, дѣвочка быстро закрыла глаза и притворилась спящей.

Мать подошла къ ней, наклонилась и поцѣловала ее въ лобъ.

Знакомый ароматъ разлился по комнатѣ, но Натѣ почудился еще какой-то посторонній непріятный запахъ, напомнившій ей запахъ вина; но это было одно мгновенье,—мать уже направлялась въ свою комнату.

На слѣдующее утро за завтракомъ Ната замѣтила недовольное лицо отца и какое-то робкое выраженіе у матери. Отца она мало знала, видѣла его только за завтракомъ и обѣдомъ, всегда молчаливаго, задумчиваго; Ната считала его серьезнымъ, несправедливымъ и любила его только потому, что нужно было любить, такъ ей говорили ея няня, ея гувернантка..

Наталья Николаевна продолжала стоять и смотрѣть на правильныя черты, большіе красивые глаза и улыбающійся ротъ, слабо освѣщенные одинокой лампой.

Только много лѣтъ спустя, она узнала, что ея мать страдала ужасной болѣзнью, переданной ей по наслѣдству, что она пьетъ, и пьетъ запоемъ. Тогда къ ея любви примѣшалась еще жалость, что-то покровительственное; она старалась скрыть отъ всѣхъ окружающихъ то позорное состояніе, въ которомъ находилась мать иногда по два и по три дня подрядъ.

Въ первый-же годъ замужества своей дочери, неосторожная и легкомысленная, она простудилась и умерла. Это было первое сильное горе молодой женщины, но тогда у нея былъ мужъ, она ожидала рожденія ребенка. Теперь это все ей казалось далекимъ невозвратнымъ прошлымъ. Что у нея было? что оставалось? что ее привязывало къ жизни?..

Мужъ былъ за полторы тысячи верстъ,—онъ уѣхалъ по неотложнымъ дѣламъ въ дальнее имѣніе Самарской губерніи; да если-бы и былъ здѣсь, то утѣшенія-бы ей не принесъ: черезъ годъ послѣ свадьбы Наталья Николаевна случайно узнала, что мужъ ей измѣняетъ, что у него есть вторая семья. Она была оскорблена, унижена и осталась съ нимъ жить только ради него, ради своего златокудраго крошки...

Неподвижно лежитъ маленькій трупъ, такой маленькій и хорошенькій, и такой безучастный и равнодушный къ горю и страданію стоящей около него матери. Она наклонилась къ его личику, но мертвенный холодъ заставилъ ее невольно отшатнуться.

«Нѣтъ это—не сонъ... онъ умеръ, умеръ!..»

II.

Холодно и спокойно было на кладбищѣ. Покосившіеся кресты, затянутые сѣдымъ морозомъ, грустно наклонились надъ своими покойниками, оберегая ихъ отъ посторонняго вторженія, но не позволяя и имъ отлучаться въ тотъ міръ, который разстилался вокругъ, свѣтлый и шумный. Ели и сосны, словно стражники, высились у входа. Ихъ мертвенная вѣчная зелень гармонировала съ вѣчнымъ покоемъ, въ нихъ также не было жизни и блестящій бѣлый снѣгъ, покрывая ихъ точно бѣлымъ саваномъ, дополнялъ ихъ сходство съ покоящимися здѣсь мирнымъ сномъ.

Деревянная церковь старинной архитектуры, съ пятью небольшими куполами, освящала это мѣсто успокоенія и рядомъ съ ней, какъ-бы ища защиты и покровительства, чернѣла маленькая свѣже-вырытая могилка. У могилы стояла толпа людей и священникъ, закончивъ свои послѣднія слова, привычнымъ жестомъ бросилъ горсть земли. Звонко и мрачно ударялись замерзшіе комки о бѣлую крышку маленькаго гробика.

Какъ истуканъ, не двигаясь, стояла у открытой могилы Наталья Николаевна. Мысли ея застыли, она не сознавала, не понимала, что насталъ ея чередъ отдать послѣднюю дань маленькому существу, навсегда покинувшему ее. Ея глаза, устремленные на край могилы съ непріятно чернѣвшей землей, были сухи.

Одно мгновеніе всѣ хранили молчаніе, проникнутые уваженіемъ къ ея горю.

— Голубушка барыня, — всхлипывая, обратилась къ ней стоявшая рядомъ старушка-няня, — помоги намъ, Господи, Царица Небесная, подкрѣпи ее!

Нечеловѣческій, дикій крикъ раздался въ прозрачномъ воздухѣ, и Наталья Николаевна, рванувшись впередъ, какъ подкошенная, свалилась на холодный бѣлый снѣгъ.

— Господи, Боже мой, святители небесные, да что-же это? какъ-же тутъ быть-то? — причитала подхватившая ее нянька.

Всѣ засуетились, заволновались, испуганно переглядываясь и перешептываясь, и только священникъ покорно стоялъ да могильщики торопливо закапывали могилу. Кто-то поднесъ стклянку съ англійской солью, кто-то спѣшилъ разстегнуть воротъ небрежно застегнутаго сака. Одна барыня, не растерявшись, совѣтывала:

— Везите ее скорѣй домой да позовите доктора, не медля ни секунды!

Эти слова подѣйствовали. Хорошенькая и молоденькая брюнетка, съ красными заплаканными глазами, Нелли Вершилина, сбивчиво говорила нянѣ:

— Да ну-же, возьмите ее тамъ... съ вашей стороны, я поддержу ее тутъ... да ну-же, скорѣй!

Наконецъ, Болотова была усажена въ карету и, такъ и не приходя въ себя, довезена до дому.

Пріѣхавшій докторъ констатировалъ нервную горячку.

Дали срочную телеграмму мужу.

Потянулись длинные, тяжелые дни. Больная металась, бредила, кричала.

— Отдайте мнѣ его, онъ мой... мой!.. Я не могу, меня давитъ, душитъ, жжетъ... какъ хорошо тамъ!.. пустите, пустите!..

Холодные компрессы, микстуры, ледъ смѣняли другъ друга.

Знакомые присылали узнавать объ ея здоровьѣ, выражая этимъ актъ общепринятаго наружнаго сочувствія, опасаясь въ то-же время заѣзжать въ зараженную, недезинфицированную квартиру.

На третій день вечеромъ пріѣхалъ самъ Владиміръ Александровичъ Болотовъ.

Вертлявая горничная встрѣтила его словами:

— Съ пріѣздомъ, баринъ. Слава Богу, что вы пріѣхали, мы тутъ просто съ ногъ сбились, вотъ несчастье-то, не приведи, Господи!

— А что барынѣ лучше?

— Никакъ нѣтъ, все внѣ себя; безъ чувствъ мечутся.

Медленнымъ, размѣреннымъ движеніемъ Болотовъ сбросилъ съ плечъ дорогую шинель, положилъ на столикъ бобровую шапку и, по привычкѣ, началъ приглаживать свои коротко остриженные темные волосы и клинообразную бородку. Какъ и всегда, онъ былъ элегантно одѣтъ и дорогой дорожный костюмъ красиво облегалъ его высокую, стройную фигуру. Холодные свѣтлые глаза глядѣли равнодушно, а темныя брови рѣзко оттѣняли высокій бѣлый лобъ.

Спокойной, мѣрной походкой онъ прошелъ въ спальню жены. При зеленоватомъ свѣтѣ небольшой лампочки онъ увидѣлъ Нату, похудѣвшую, съ воспаленнымъ цвѣтомъ лица. Смятыя подушки окружали маленькую свернувшуюся на бокъ головку; одна рука была безпомощно закинута кверху, другая выступала яркимъ бѣлымъ пятномъ на красномъ атласѣ теплаго одѣяла.

Повидимому, она дремала, хотя повременамъ нервная дрожь пробѣгала по ея фигурѣ и жалобный стонъ вырывался изъ ея груди.

Владиміръ Александровичъ на цыпочкахъ подошелъ къ постели больной и, красиво изогнувшись, точно позируя, дотронулся своими мягкими, выхоленными усами до пылающаго лба больной?..

По его холодному лицу какъ-бы промелькнула искра участія, пожалуй, даже любви, но черезъ минуту этотъ порывъ исчезъ, оно приняло обычное непроницаемое выраженіе и, оффиціально спросивъ сидящую рядомъ сидѣлку о состояніи здоровья жены, онъ медленно вышелъ изъ комнаты.

III.

Четыре недѣли спустя, Наталья Николаевна, страшно блѣдная и худая, сидѣла въ большомъ мягкомъ креслѣ. Грустные ввалившіеся глаза, съ большими черными кругами, равнодушно глядѣли на развернутую книгу. Отъ всей ея фигуры вѣяло безконечной тоской и ненормальной апатіей.

— Можно войти? — раздался за дверью веселый, звонкій голосъ.

Наталья Николаевна вздрогнула отъ неожиданности.

— Пожалуйста, Нелли, что за вопросъ?

Комната, до этой минуты мертвенно-тихая, вдругъ наполнилась звуками: зашуршала юбка, зазвенѣли висѣвшіе у пояса брелоки, забренчала длинная толстая цѣпочка съ зеркаломъ, раздались быстрые шаги и молодой голосъ:

— Боже, милочка, да ты все не поправляешься?.. А я уже думала увлечь тебя въ маскарадъ. Какъ тамъ будетъ весело! Какое у меня домино! все кружевное. Я непремѣнно хочу заинтриговать противнаго Дмитрія Алексѣевича. Помнишь, какъ онъ за мной ухаживалъ, даже мужъ начиналъ какъ-будто ревновать, а теперь отсталъ, и нашему невинному флирту, видимо, пришелъ конецъ. И на каткѣ, и въ театрѣ я его вижу съ маленькой Мери Добровой... Знаешь, она только весной кончила институтъ... Эге, да ты меня, кажется, не слушаешь! Полно, брось болѣзнь, меланхолію въ сторону, и тебѣ сразу будетъ лучше...

«Жизнь дана, чтобъ наслаждаться,
Пѣть, любить и увлекаться»... —

неожиданно закончила Вершилина, дурачливо напѣвая весе ленькую пѣсенку.

Наталья Николаевна невольно улыбнулась и ея задумчивые глаза на минуту заблестѣли.

— Куда мнѣ? Могу-ли я веселиться? Вся жизнь разбита... Зачѣмъ и для чего я живу, сама не знаю.

— Вотъ глупости... У тебя есть мужъ, у тебя еще будутъ дѣти... хорошенькая дѣвочка, такая-же, какъ и ты, Ната.

— Не тебѣ-бы это говорить, Нелли! Развѣ у меня есть мужъ? Владиміра Александровича я вижу не многимъ болѣе тебя... Отчасти я, конечно, довольна. Онъ говоритъ, что все въ судѣ, что выгодная защита подвернулась... Но, вѣдь, этому, кажется, ни онъ, ни я не вѣримъ... такъ только, для формы.

— Ахъ, Боже мой, точно безъ мужа нельзя прожить? Ты, милочка, такая молоденькая, хорошенькая, найдешь себѣ кучу поклонниковъ, заинтересуешься своими туалетами... Кстати, какія шляпы получила m-me Annette... восторгъ! Я уже купила одну... Знаешь, къ моему синему визитному... Синій мягкій фетръ, съ желтыми хризантемами и голубоватымъ мираромъ... Восхитительно! А другая тамъ есть... розовая съ черными перьями, чудо! Къ тебѣ пойдетъ удивительно!

— Да полно тебѣ... Я еле хожу, а ужъ бывать гдѣ-нибудь и не подумаю.

— Ну, положимъ, у меня-то ты будешь, милочка! Въ послѣдній день масленой я хочу устроить блины съ катаньемъ, или катанье съ блинами, какъ хочешь. Двѣ недѣли достаточно для окончательной поправки! А какое у насъ будетъ веселье! И Николай Ивановичъ Варгунинъ съ гитарой, и хорошенькая Зиночка Троицкая, и твой неизмѣнный обожатель Викторъ Степановичъ, и много-много, кого я тебѣ не назову.

— Ты напрасно хочешь меня заинтриговать. Это все—пустяки. Настроенія у меня нѣтъ, но хочу я никого и ничего, скучно мнѣ, тоскливо, ни смысла, ни цѣли, никому я не нужна и мнѣ никто не нуженъ. Вотъ ты—счастливица, безпечна и весела, какъ птичка, завидую я твоему характеру.

— Брось, брось, я тебѣ говорю... Ну, кто въ двадцать лѣтъ говоритъ такія вещи. Мой совѣтъ, постарайся увлечься кѣмъ-нибудь... Ну, хотя-бы Викторомъ Степановичемъ, онъ такъ влюбленъ въ тебя. Да онъ и недуренъ, и уменъ, и богатъ. Приручи его. Занимательно!

— Оставь, что за глупости ты болтаешь! Пойдемъ лучше чай пить!

Наталья Николаевна и ея гостья встали и направились въ столовую. По дорогѣ Болотова позвонила. На звонокъ вошла горничная.

— Что прикажете, барыня?

— Дай-ка намъ самоваръ, да поживѣй!

Обѣ подруги сѣли за круглый столъ.

— А какъ, однако, у васъ пахнетъ формалиномъ!

— Неужели? А я такъ привыкла, что совершенно не замѣчаю этого запаха. Бѣдный Вовочка, у меня отобрали всѣ его вещи, осталась только его любимая собачка—я не позволила ее сжечь... Онъ такъ любилъ ее гладить!.. И теперь, какъ только я дотронусь до ея мягкой шерстки, мнѣ вспоминаются его пухлыя бѣленькія ученки, его веселенькіе глазки, смѣющійся ротикъ...—и Наталья Николаевна замолчала, разсѣянно гладя игрушку, которую достала изъ кармана широкаго мягкаго капота.—Не правда-ли?—печально продолжала она, вскинувъ глаза на свою собесѣдницу.—Да ты что такъ смотришь, точно видишь меня въ первый разъ? Въ чемъ дѣло?

— Да какъ ты не понимаешь,— восторженно начала Вершилина,—я любуюсь тобой... Ты—такая прелесть! къ тебѣ такъ идетъ грустное выраженіе лица, и въ этомъ широкомъ бѣломъ капотѣ ты представляешься мнѣ символомъ и воплощеніемъ материнской скорби.

— Какая-же ты фантазерка!.. А о чаѣ мы и забыли. Не хочешь-ли варенья? Прошу тебя, я стала плохая хозяйка. Бери и угощайся сама.

IV.

Въ прощеное воскресенье у Нелли Вершилиной собрались ѣсть блины и рѣшено было затѣмъ ѣхать на тройкахъ на «хуторъ»—послушать румынскій оркестръ и, за неимѣніемъ цыганъ, русскій хоръ, потанцовать и поужинать въ заранѣе приготовленномъ залѣ.

Хозяйка была обворожительно мила и интересна. Мужчины наперерывъ ухаживали за ней. Ея оживленное лицо дышало искреннимъ весельемъ, свѣтлая шелковая блузка облегала ея стройную фигуру, на щекахъ игралъ здоровый румянецъ, небрежно сдѣланная прическа оттѣняла бѣлизну шеи и лица, серебристо-звонкій голосъ поминутно слышался то въ одной, то въ другой группѣ непринужденно разговаривающихъ гостей.

— Вы сегодня какъ-то особенно увлекательны и игривы,— наклоняясь и пожирая ее глазами, продолжалъ начатый разговоръ Болотовъ.—Отчего вы забыли насъ? Раньше вы любили заѣзжать къ намъ, и я имѣлъ возможность любоваться вами, а теперь я просто бѣгу изъ дома. Ната киснетъ и ѣздитъ на кладбище,—думаетъ, вѣрно, что прошлое воротишь. Хоть-бы вы повліяли, авось дома стало-бы веселѣй.

— Ну, да, вѣдь, вы и такъ не скучаете,—холодно прервала его Вершилина.

Она не любила Болотова за его равнодушное отношеніе къ женѣ и его красивая, выхоленная, фатоватая наружность бѣсила ее, составляя рѣзкій контрастъ съ блѣдной и печальной Натой.

— Я бываю у васъ по-старому, только стараюсь выбрать время, когда вы бываете въ судѣ, чтобы на свободѣ поболтать съ вашей женой.

— Неужели я могу помѣшать? Будьте великодушны, Елена Владиміровна, не убивайте во мнѣ маленькой искры надежды, я не хочу, чтобы вы ненавидѣли меня, мнѣ было-бы это слишкомъ грустно.

— Будто? А мнѣ—такъ рѣшительно все равно: любите вы меня или ненавидите... Что съ тобой, милочка?—быстро обернулась она къ подошедшей Болотовой,—ты ужасно блѣдна!

— Не безпокойся, Нелли, я хочу поѣхать домой... Разрѣши.

— Ни-ни-ни, и думать не смѣй, сейчасъ подадутъ тройки и мы двинемся.

— Правда, Ната, тебѣ полезны развлеченія... Куда торопиться? Останься, а то мнѣ придется тебя провожать: я не хочу прослыть въ глазахъ Елены Владиміровны черствымъ мужемъ,—многозначительно глядя на Вершилину, своимъ заученнымъ, размѣреннымъ тономъ процѣдилъ Болотовъ.

— Но когда мнѣ тоскливо, Володя!—пропуская мимо ушей его слова и тонъ, сказала Наталья Николаевна.

— Ну, ради меня, милочка, не порти мнѣ дня, не омрачай моего настроенія... Тамъ будутъ музыка, пѣніе, шампанское, вотъ увидишь, будетъ весело... Прошу тебя.

— Лошади пріѣхали... Ѣдемъ, ѣдемъ!—хлопая въ ладоши, вбѣжала Зиночка Троцкая.

И вся компанія молодыхъ людей и смѣющихся дамъ съ шумомъ и гамомъ устремилась въ переднюю.

Вершилина, не обращая вниманія на протесты Болотовой, потащила свою тоскующую подругу и насильно усадила вмѣстѣ съ собой въ сани.

Ясная морозная ночь приняла ихъ въ свои объятья. Снѣгъ искрился и блестѣлъ, міріады звѣздъ ласково глядѣли на шумную компанію, лошади нетерпѣливо позвякивали бубенчиками и лѣвая пристяжная настойчиво била копытомъ упругій мерзлый снѣгъ.

— Надѣюсь, вы не забыли вашей гитары, Николай Ивановичъ... Садитесь съ нами, я поручаю вамъ Нату, развлеките хоть вы ее.

— Если Наталья Николаевна разрѣшитъ, я сочту за счастье быть ея кавалеромъ,—удобно усаживаясь рядомъ съ Болотовой, произнесъ молодой человѣкъ.

— Какъ только мы выѣдемъ за городъ, вы намъ споете что-нибудь «начерно»... Не правда-ли?—пошутила Вершилина.

— Я всегда радъ угодить вамъ и исполнить вашу просьбу.

— Итакъ, господа, трогаемъ...

Сани вздрогнули, полозья заскрипѣли, лошади дружно подхватили, и три тройки помчались по освѣщенной улицѣ, увлекая въ темную даль веселую компанію, перекидывающуюся легкими замѣчаніями и оглашающую чистый воздухъ молодымъ смѣхомъ.

Быстро миновали городъ и выѣхали въ широкое поле—холодное и свѣтлое. Пристяжки разстилались, коренники шли размашистой, крупной рысью. Комки снѣга вылетали изъ-подъ копытъ лошадей, разсыпаясь брызгами и попадая прямо въ сани. Вдали темной полосой чернѣлъ лѣсъ. Воздухъ былъ неподвиженъ и природа какъ-бы замерла и, притаивъ дыханіе, прислушивалась къ своей внутренней жизни. Елена Владиміровна, очарованная окружающей тишиной, мечтательно глядѣла на красивое созвѣздіе Ріона, сіявшее на небосклонѣ загадочнымъ громаднымъ иксомъ, будто задавая людямъ неразрѣшимую, вѣчную загадку.

— Боже, какъ хорошо! Не правда-ли, Ната?—восторгалась Вершилина.—Полюбуйся, наслаждайся природой, вдыхай здоровый и крѣпкій воздухъ. Надѣюсь, ты, милочка, не раскаиваешься, что поѣхала? Такъ таинственно нестись куда-то въ даль!.. Ахъ, спойте, прошу васъ, Николай Ивановичъ, ну, хоть вполголоса... это дополнитъ очарованіе.

— Да я не знаю, что подойдетъ къ вашему настроенію... Прикажите.

— Правда, спойте,—вдругъ обратилась къ Варгунину Болотова:—спойте «Не развѣять мнѣ грусти»,—это мнѣ напомнитъ счастливое прошлое.

— Я счастливъ доставить вамъ хотя-бы маленькое удовольствіе и постараюсь, какъ только могу.

Варгунинъ справедливо считался блестящимъ исполнителемъ цыганскаго пѣнія. У него была выработанная, оригинальная своя манера, бьющая по нервамъ и производящая сильное впечатлѣніе. Когда онъ начиналъ пѣть, всѣ невольно примолкали и даже не поклонники цыганскаго пѣнія отдавали ему должную дань.

Полузакрывъ глаза, Ната внимательно слушала. Это была любимая пѣсня ея матери, и въ дѣтствѣ Ната не разъ слышала ее, притаившись гдѣ-нибудь въ темномъ углу въ креслѣ Особенно нравилась ей тогда вторая часть—увлекательная захватывающая: «Жизнь улыбнется, какъ въ прежніе дни»!

— Я вамъ очень, очень благодарна... повторите, умоляю васъ, еще разъ!—прошептала Болотова, боясь спугнуть воспоминанія.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—любезно отвѣчалъ Варгунинъ.

И снова полилась грустная, подмывающая мелодія, и снова закончилась удалыми, бодрящими звуками.

— Да, вы хорошо поете! Не удивительно, что вы дѣйствуете на женщинъ и увлекаете ихъ,—съ досадою сказалъ Болотовъ, тщетно старавшійся обратить на себя вниманіе замечтавшейся Вершилиной.

— Но-о, но-о, живѣй! подтягивай! — и вторыя сани, со смѣхомъ обгоняя, проскакали мимо.

— Не скомандовать-ли отбой, я совсѣмъ замерзаю,—крикнулъ вдогонку Болотовъ, — недурно было-бы разогрѣться шампанскимъ!

— Что-же, мы ничего не имѣемъ противъ,—подхватили сидящіе въ саняхъ.

Одинъ изъ мужчинъ вмѣсто сигнала пронзительно свистнулъ, и тройки, круто завернувъ, поѣхали обратно.

На «хуторѣ» ихъ уже ждали, и толстенькій юркій содержатель ресторана, суетливо потирая руки въ ожиданіи хорошаго заработка, предупредительно провелъ ихъ въ ярко освѣщенный залъ съ большимъ столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью, съ огромными вазами фруктовъ и высокими бронзовыми канделябрами.

— Шампанскаго, да поживѣй!

— Да, да, согрѣться не мѣшаетъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Черезъ минуту появилось шампанское. Пробки весело хлопнули и всѣ стали чокаться, ощущая послѣ мороза пріятную бодрость и чувствуя себя свободными и далекими отъ разныхъ свѣтскихъ толковъ и предразсудковъ.

— За твое здоровье, Ната, за твое настроеніе!—поднесла бокалъ Вершилина Болотовой, намѣреваясь расшевелить ее.—Ну, до конца, смотри на меня... разъ, два, три.

— Что ты, Богъ съ тобой, я, пожалуй, опьянѣю... я такъ давно ничего не пила.

— Ну, такъ что-же? веселѣй будетъ!

— Да я и не хочу этого совсѣмъ.

— Будь добренькая... для меня... что тебѣ стоитъ, милочка!

— Вотъ, вѣдь, фантазія... изволь... — и обѣ подруги, чокнувшись, выпили свои бокалы.

СУВОРОВСКІЙ МУЗЕЙ. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Портр. Суворова (копія съ портр. Шмидта. 2. Внутренній видъ музея изъ задняго праваго зала. 3. Внѣшній видъ музея. 4. Модели памятниковъ сподвижникамъ Суворова. 5. Столъ Суворова изъ его дома въ Кончанскомъ и портреты Суворова. По фот. Н. Ольшанскаго.

— А что, развѣ не вкусно? Вѣдь, хорошо,—весело причмокнула Вершилина.

— У меня что-то закружилась голова.

— Это отъ слабости... одинъ моментъ, и все пройдетъ, вотъ увидишь!

И, правда, черезъ минуту Наталья Николаевна уже не чувствовала головокруженія, а, наоборотъ, пріятная теплота разлилась по всему тѣлу. Въ ушахъ какъ-будто вдали продолжали звенѣть бубенчики, а въ головѣ задернулась какая-то расплывчатая завѣса и прошлое затянулось туманомъ и отодвинулось назадъ. Вокругъ-же мелькали веселыя лица; Владиміръ Александровичъ, наклонившись къ Нелли Вершилиной, съ плотоядной улыбкой нашептывалъ ей, вѣроятно, объ упоеніяхъ «Ночей безумныхъ, ночей безсонныхъ». Въ глубинѣ зала Николай Ивановичъ, окруженный толпой молодежи, запѣвалъ: «Слезъ довольно, прочь печаль!», а изъ угла восхищенные, влюбленные взоры Виктора Степановича, не отрываясь, слѣдили за каждымъ движеніемъ тоскующей женщины.

V.

Яркое солнце застало Наталью Николаевну еще въ постели. Она проснулась и сразу-же почувствовала тупую боль въ головѣ, а въ груди—ощущеніе чего-то сосущаго, какъ-будто чьи-то горячіе щупальцы больно сжимали и жгли все внутри; губы поражали своимъ воспаленно-краснымъ оттѣнкомъ, а во рту было нестерпимо сухо.

Она подняла голову и взглянула на часы. Стрѣлка показывала тридцать пять минутъ двѣнадцатаго.

«Боже, какъ я проспала!»—подумала она, сладко потягиваясь и нажимая пуговку электрическаго звонка.

— Баринъ прислали спросить, выйдете-ли вы къ кофе?—доложила вошедшая горничная.

— Да, конечно... я потому и звонила. Приготовь поживѣй умыться и дай капотъ.

Черезъ полчаса Наталья Николаевна была въ столовой.

— Здравствуй, Ната! Какъ ты себя чувствуешь послѣ вчерашняго веселья? тебѣ, кажется, было не скучно?—встрѣтилъ ее элегантный Владиміръ Александровичъ, въ шикарномъ фракѣ и бѣлоснѣжной, какъ фарфоръ, рубашкѣ съ непомѣрно высокимъ модернымъ воротничкомъ.—Я сегодня не могу завтракать дома, мнѣ необходимо быть въ судѣ... Ты видишь, я уже готовъ.

— Спасибо, мой другъ! Мнѣ что-то не по себѣ, я только смутно вспоминаю вчерашній вечеръ и даже не могу сказать, было-ли мнѣ весело. А ты хорошо-ли спалъ?

— Какъ всегда... особеннаго для меня вчера ничего не было... Это ты отвыкла отъ людей, я-же всталъ, какъ обыкновенно, и уже прочиталъ газету. Ты не забудь, что завтра хотятъ повторить вчерашнее,—mardi gras*), ничего не подѣлаешь. Я тебѣ совѣтую принять участіе—развлеченіе тебѣ полезно.

— Не знаю, думаю—и безъ меня обойдутся.

— Напрасно, я тебѣ серьезно совѣтую... Ого-го, уже первый часъ,—перебилъ себя Владиміръ Александровичъ, взглянувъ на часы,—мнѣ пора... Прощай, мой другъ, къ обѣду я вернусь.

И, быстро поцѣловавъ у жены ея красивую руку съ длинными пальцами и розовыми ногтями, онъ быстрѣе обыкновеннаго зашагалъ къ передней.

Послѣ завтрака Натальѣ Николаевнѣ пришли доложить, что лошадь запряжена и ждетъ ее у подъѣзда.

На дворѣ было вѣтряно и, несмотря на конецъ февраля, холодно и непріятно. Наталья Николаевна чувствовала внутреннюю дрожь и сжималась при каждомъ порывѣ вѣтра.

— На кладбище!—приказала она кучеру, когда толстый швейцаръ застегнулъ полость саней.

Здоровый рысакъ съ мѣста взялъ крупной рысью и черезъ четверть часа остановился у бѣлой ограды съ зеленой калиткой. Знакомой тропинкой быстро дошла Ната до маленькой могилки съ бѣлымъ мраморнымъ крестомъ и съ черной надписью «Вова». Черныя буквы, точно змѣи, заползли ей въ сердце, и молодая женщина почувствовала безумный приливъ раскаянія. Подчиняясь какому-то внутреннему толчку, она опустилась на колѣна, всѣмъ своимъ тѣломъ припала ко кресту и взволнованно зашептала:

— Прости меня, мой дорогой, мой мальчикъ, я забыла тебя вчера, я не вспоминала о тебѣ ни разу послѣ этого несчастнаго перваго бокала... Я искуплю свою вину, я больше не буду. Ты добрый, маленькій, простишь свою бѣдную маму, которая тебя такъ любитъ... Простишь? да?

Но отвѣта не было. Только ели глухо стонали подъ напоромъ вѣтра да вороны каркали, прилетая на крышу церкви и отдыхая и грѣясь подъ куполами и карнизами.

*) Дословно, «скоромный вторникъ»—вторникъ на первой недѣлѣ Великаго поста. Католики придерживаются сорокадневнаго Великаго поста (по евангелію), понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли у католиковъ скоромные.

— Я такая гадкая, такая низкая, увлеклась, напилась, какъ продажная тварь, ничего не помнила, хохотала, пѣла, веселилась больше всѣхъ, когда ты, мой маленькій, лежалъ здѣсь одинъ, забытый, холодный... Боже, Боже, какъ я пала! какъ я опустилась! Я дошла до того, что съ наслажденіемъ, съ замираніемъ сердца слушала любовныя изліянія, грязныя объясненія ненавистнаго мнѣ теперь Виктора Степановича. Господи, и не прошло еще двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти моего ангельчика! Если-бы ты былъ живъ, ты не допустилъ-бы меня до такого паденія!.. Ты былъ моей цѣлью, моимъ смысломъ, моимъ воздухомъ, тобой я дышала, для тебя я жила... Зачѣмъ, зачѣмъ тебя отняли отъ меня?.. Я не отдаю себѣ отчета, не знаю, куда дѣться, гдѣ найти выходъ... Зачѣмъ меня оставили жить? Я вижу твои глазки—они грустно, укоризненно смотрятъ на меня... Ты—святой ангельчикъ, ты теперь все видишь, все понимаешь... ты видишь мое раскаяніе, мое страшное раскаяніе, я не буду больше, не буду!..

Ея плечи вздрагивали отъ глухихъ рыданій, а маленькая фигурка безпомощно искала поддержки и утѣшенія въ черной надписи на бѣломъ крестѣ...

Ударъ колокола, призывавшаго къ вечерни, вернулъ Нату къ дѣйствительности. Она очнулась, хотѣла встать, но закоченѣвшія ноги отказывались повиноваться. Она напрягла всю силу воли и кое-какъ добралась до саней.

Дома ее встрѣтила старушка-няня.

— Голубушка барыня, да вы замерзли совсѣмъ,—всплеснула она руками,—посинѣли и дрожите... Ну, развѣ можно?.. долго-ли до грѣха, давно-ли встали съ постели?.. Пойдемтека, я вамъ дамъ чего-нибудь согрѣться да разотру ножки.

Старушка торопливо засеменила по направленію къ буфету. Рюмка коньяка произвела чудесное дѣйствіе: закостенѣвшіе пальцы перестали ныть, по жиламъ разлилась успокаивающая теплота, нестерпимая душевная боль и острое раскаяніе притупились и Наталья Николаевна съ удовольствіемъ выпила предложенную заботливой няней вторую рюмку...

VI.

Какъ ребенокъ, привлеченный зеленымъ бархатомъ затянутаго травой болота, стремится къ нему, такъ и Болотова, очарованная обаятельно-сладостными минутами забытья, не сознавая опасности, погружалась въ заманчивый міръ неясныхъ образовъ и миражей и, какъ ребенокъ, смутно почувствовавъ опасность, не въ силахъ выкарабкаться изъ окружающей его тины, такъ и она, инстинктомъ понимая весь ужасъ своего увлеченія, все болѣе и болѣе втягивалась, проклиная себя и терзаясь безплоднымъ раскаяніемъ.

А ужасный бичъ—наслѣдственность, точно коршунъ, расправлялъ свои крылья и впивался крѣпкими когтями въ бѣдное, истерзанное жизнью существо. Минуты раскаянія были ужасны. Ната рвалась, искала выхода, содержанія, интереса въ жизни, но, не находя въ окружающихъ нравственной поддержки, она возвращалась въ тотъ міръ, гдѣ не видѣла, не думала о печальныхъ призракахъ настоящаго. Мужъ и Вершилина старались вовлечь ее въ круговоротъ развлеченій, не подозрѣвая той бездны, куда они сами ее толкали, и всякій по-своему радовался, когда она, послѣ недолгаго колебанія, соглашалась присоединиться къ ихъ обществу, благосклонно принимала ухаживанья все болѣе и болѣе влюблявшагося Виктора Степановича и послѣ перваго-же бокала становилась веселѣй, пѣла и хохотала.

Въ лѣтнемъ театрѣ «Буффъ» только что кончилась оперетка, и многочисленная публика съ нетерпѣніемъ ожидала второй пьесы, гдѣ должна была выступить любимица публики, извѣстная всему Петербургу. Сплошная толпа нарядныхъ женщинъ, въ громадныхъ шляпкахъ и длинныхъ манто, медленно подвигалась по аллеѣ. Многочисленные электрическіе фонари придавали красивый серебристо-голубоватый оттѣнокъ всему, скрашивая потрепанные туалеты нѣкоторыхъ жалкихъ и бѣдныхъ искательницъ приключеній. Мужчины, между которыми преобладали свѣтло-сѣрыя шинели военныхъ, стоя гурьбой въ срединѣ площадки между сценой и буфетомъ, окидывали проходящихъ критическимъ взглядомъ, заглядывая иногда подъ шляпки болѣе интересныхъ. Изрѣдка попадались парочки—повидимому, мужей со своими женами,—они шли, недовольно поглядывая по сторонамъ, занятые каждый своими думами: онъ—новыми назначеніями, она—дороговизной продуктовъ и воровствомъ кухарки. Повременамъ встрѣчались блѣдныя, истомленныя лица дѣтей, съ равнодушно-вялыми глазками и длинными распущенными волосами.

Оркестръ старательно выводилъ попурри изъ «Евгенія Онѣгина», но, по обыкновенію, его никто не слушалъ—всякій былъ занятъ собой, стараясь произвести нѣкоторое впечатлѣніе и быть замѣченнымъ. Оживленныхъ лицъ, безыскуственныхъ улыбокъ и искренняго веселья, какъ и всегда, было мало; натянутость и дѣланное равнодушіе царили здѣсь среди каскадныхъ пѣсенъ и оперетки.

Сканировал reduktorer

У кіоска съ цвѣтами остановились двое, повидимому, влюбленныхъ: онъ нѣжно поддерживалъ ея локоть, она-же скучающе поглядывала на изящныя корзины и красивые букеты цвѣтовъ.

— Какая скука!.. Не выпить-ли намъ чая, Викторъ? Мнѣ хочется пить.

— Съ удовольствіемъ, Ната! пойдемъ, пока антрактъ, успѣемъ.

Они молча дошли до буфета и сѣли у свободнаго столика съ края. Когда подбѣжавшій лакей ушелъ за чаемъ, дама умоляюще поглядѣла на своего кавалера:

— Викторъ, прикажи также подать къ чаю коньякъ... Я тебя прошу, я что-то чувствую себя плохо, какъ-то уныло на душѣ.

Кавалеръ болѣзненно сжалъ брови и съ любовью и страданіемъ взглянулъ на хрупкій хорошенькій профиль своей дамы.

— Но, милая Ната, ты-же знаешь, что это тебѣ вредно... Ты-же обѣщала мнѣ... ты хотѣла начать новую жизнь... Съ прошлымъ все порвано, его нужно забыть... теперь мы въ Петербургѣ... предъ тобой открылись новые горизонты, найдутся и новые интересы... оставь... не нужно коньяка... вѣдь, обходилась-же ты безъ него это время... прошу тебя.

— Богъ мой, Викторъ, не мучь меня, я не виновата, не виновата.. ну, я думала... мечтала... ну, ошиблась... Въ этомъ громадномъ Петербургѣ все то-же, что и вездѣ... я такъ-же гадко чувствую себя, какъ и раньше. На прошломъ я хотѣла поставить крестъ, но теперь я вижу, что не могу, не въ силахъ. Меня грызетъ какая-то змѣя... она не даетъ мнѣ покоя... я больна, больна на всю жизнь. Я не могу стать другой, прежняя Ната умерла и навсегда. Всѣ попытки не приведутъ ни къ чему. Если-бы мы встрѣтились раньше... не знаю, можетъ быть, но теперь поздно, ядъ проникъ въ мой организмъ, я отравлена... видно, судьба... Если любишь свою Нату, не мучай, не терзай, дай, что я прошу, вѣдь, потомъ это пройдетъ, умоляю тебя, милый...

Въ продолженіе всей этой длинной сбивчивой рѣчи Виктора Степановича терзала одна и та-же мысль: ему стало очевидно, что всѣ его увѣщанія будутъ безуспѣшны, что онъ напрасно будетъ мучить ее и себя, что его любовь не въ силахъ побѣдить невидимаго ужаснаго врага и воскресить въ Натѣ разбитую жажду и интересъ къ жизни, ея натура требовала мучительно-сладкаго забытья и, несмотря на то, что она знала и понимала всю опасность, которой подвергается, она продолжала медленно отравлять свой организмъ...

А кругомъ шумѣла равнодушная толпа и, толкаясь и спѣша, торопливо подвигалась по узкимъ и тѣснымъ проходамъ къ сценѣ, гдѣ уже взвивался испещренный рекламами занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.

Ночь.

Шумъ движенья вдали замираетъ,
Какъ утихшаго моря прибой.
Предо мною свѣча догораетъ
И угрюмая ночь одѣваетъ
Все вокругъ непроглядною тьмой...

Такъ горячая кровь остываетъ
Постепенно въ груди молодой,
Пылкихъ чувствъ огонекъ догораетъ
И холодная тьма обнимаетъ
Сердце, полное жгучей тоской...

И. Коробовъ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Стараго воробья не проведешь. (Къ рис. на стр. 353.) Тихо въ окопахъ. Землянки занесены снѣгомъ. Солдаты попрятались въ нихъ и лишь часовые бодро шагаютъ и позвякиваютъ ружьями. Но что это? Привычное ухо стараго солдата, сидѣвшаго въ землянкѣ, заслышало шорохъ. Осторожно вышелъ онъ за дверь и, спрятавшись за кучей снѣга, пристально началъ всматриваться въ темноту. Такъ и есть, кто-то въ папахѣ ползетъ по снѣгу къ землянкѣ и боязливо оглядывается кругомъ. «Э-э! братъ,—подумалъ солдатъ,—стараго воробья не проведешь, нарядился въ русскую форму и думаешь, тебя не узнаютъ... нѣтъ, братъ, шалишь!» Вынулъ изъ кобуры револьверъ и старый солдатъ ждетъ переодѣтаго японца, чтобы тотъ поближе подползъ, а японецъ осторожно подвигается, зорко осматривая мѣстность. Но не долго ему осталось жить. Черезъ минуту грянетъ выстрѣлъ стараго солдата и соглядатая не станетъ.

Въ бурную ночь у маяка. (Къ рис. на стр. 357.) Бушуетъ, реветъ буря на морѣ. Высокія волны клокочутъ, ударяясь другъ о друга, налетая на берегъ и осыпая міріадами брызгъ стоящій на берегу маякъ и прижавшуюся къ нему хижину. Безучастенъ къ ревущему морю, стоитъ маякъ. Какъ и всегда льется съ верхушки его вдаль моря свѣтъ фонаря. Безучастно стоитъ и хижина у маяка и люди, въ ней живущіе, кажутся и въ эту грозную ночь совершенно спокойными. А, между тѣмъ, хижина у маяка—спасательная станція, а люди въ ней жизнь свою посвятили спасанію утопающихъ. Но что изъ этого? Ночныя бури для нихъ—обычное дѣло, обычное дѣло для нихъ также и выѣздъ въ бурную ночь въ море на «работу». Они даже не думаютъ о томъ, что ихъ «работа»—великое, святое дѣло. Зато для претерпѣвающихъ бурю на морѣ какая радость увидѣть свѣтъ маяка! Вѣдь, это значитъ, что спасеніе близко. И дѣйствительно, едва только покажется въ морѣ въ бурную ночь страдающее отъ бури судно, какъ его тотчасъ-же замѣтятъ на маякѣ и безстрашные люди, находящіеся въ спасательной хижинѣ, съ такими-же безстрашными, какъ и всегда, лицами выѣдутъ въ море, готовые и душу свою положить за други своя, нисколько не задумываясь при этомъ, что подвергаютъ собственную жизнь опасности.

Бѣгство крымскаго хана Саипъ Гирея въ 1541 г. (Къ рис. на стр. 359.) Предлагаемый рисунокъ передаетъ счастливый моментъ изъ старой русской исторіи. Въ то время какъ Іоаннъ Грозный боролся съ Казанскимъ царствомъ, неожиданно на русскую землю сдѣлалъ набѣгъ крымскій ханъ Саипъ Гирей. Онъ подошелъ почти къ Москвѣ, но на берегахъ Оки встрѣтилъ войско русское и увидалъ, что ему съ нимъ не справиться. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ первый русскій историкъ:

«Уже ханъ пришелъ къ Окѣ и сталъ на высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ московскою передовою дружиною, подъ начальствомъ князей Ивана Турунтая-Пронскаго и Василія Охлябина-Ярославскаго. Татары—думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска—спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы отбить россіянъ, которые, дѣйствуя однѣми стрѣлами, сперва было вздрогнули и замѣшались... Но приспѣли князья Пунковъ-Микулинскій и Серебряный-Оболенскій съ полками —россіяне стали твердо. Скоро явились новыя густыя толпы ихъ и ряды необозримые: князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная запасная стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему, Симеону Бѣльскому, и вельможамъ: «Вы обманули меня, увѣривъ, что Россіи не въ силахъ бороться въ одно время съ Казанью и со мною. Какое войско! Ни я, ни опытные старцы мои не видывали подобнаго». Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать; мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и стрѣлы; ввечеру татары отступили къ высотамъ, а россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ: «идите сюда, мы васъ ожидаемъ!».

«Наступила ночь. Воеводы Іоанна, по словамъ лѣтописцевъ, пировали духомъ, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнія; не хотѣли отдыха; стукъ оружія и шумъ людей не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины, одна за другою, съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ издали радостные клики въ нашемъ войскѣ, видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы ставили пушки на холмахъ берега, и не дождался утра: терзаемый страхомъ, злобою, стыдомъ, ускакалъ въ телѣгѣ; за нимъ побѣжало и войско, истребивъ часть обоза, другую-же и нѣсколько пушекъ султановыхъ оставивъ намъ въ добычу».

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

СКРИПКИ

въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к. 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ. *2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.*

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
31 кл. 12 бас. 26 руб.
36 кл. 12 бас. 30 руб.
СТАЛЬНЫЕ голоса
31 кл. 12 бас. 35 руб.
31 кл. 18 бас. 42 руб.
36 кл. 12 бас. 42 руб.
36 кл. 18 бас. 50 р. 36 кл. 24 бас. 65 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса
17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.
САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

скрипки. ✳ гитары. ✳ мандолины. ✳ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА
ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ СЫНОВЬЯМИ
С.-Петербургъ, Садовая, № 38.
Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218

органы. граммофоны.
цитры. ✳ корнеты ✳ кларнеты. ✳ флейты ✳ гармоніи

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1900 г.

ПАВЕЛЪ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 22. Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

Мюръ и Мерилизъ,
Москва, Кузнецкій мостъ, д. кн. Гагарина.

Вышелъ прейсъ-курантъ
на весну и лѣто 1905 г.
Высылается всѣмъ безплатно.

Товаръ высылается съ наложен. платежъ.
Образчики безплатно. Много новостей.
Льготная пересылка. 197

ФРАНЦУЗСКОЕ популярн. средство отъ ОБЫЧН. ЗАПОРА
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

САНАТОГЕНЪ БАУЭРЪ
самое дѣйствительное, укрѣпляющее нервы и силы средство для взрослыхъ и дѣтей.

БЛЕСТЯЩІЕ ОТЗЫВЫ
врачей объ успѣхахъ примѣненія его при малокровіи, нервныхъ болѣзняхъ, разстройствахъ питанія дѣтей. Имѣется въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Остерегайтесь поддѣлокъ.

Литературу о Санатогенѣ высылаетъ безплатно К. И. Креслингъ, С.-Петербургъ, Б. Конюшенная 29.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ Глицеро-вазелиновое мыло **Молодости**
А. СІУ и К° МОСКВА. 20 коп. кус.

II ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ II

Прелестные и прочные стѣнные часы „Регуляторъ“ новѣйшаго фасона, съ отличною самоиграющею каждый часъ громкою и весьма пріятною для слуха музыкой самыхъ знаменитыхъ композиторовъ (по желанію: вальсы, польки, марши, театральн. оперы и т. п.), въ элегантномъ корпусѣ, заграничной работы. Цѣна вмѣсто 30 руб. только 15 руб. Часы безъ музыки, съ трехнедѣльнымъ ходомъ и башеннымъ боемъ, бьющіе половины и цѣлые часы—цѣна 14 р. Корпусъ часовъ длиною около 1½ арш. и шириною около ½ арш. и полированъ въ темно-орѣховый цвѣтъ. Ручательство за непортящ. музыку и вѣрн. хода на 6 лѣтъ. Упаковка самая тщательн. и безплат. Высылаемъ вывѣрен. часы до минуты, немедл. по полученіи 5 р. задатка. Задатокъ можно прислать марками по адресу: Варшавскій Базаръ, Т-во „ЛЮБОВЬ“, Варшава, Гржибовская, 182
Р. S. При полученіи полной стоимости впередъ прилаг. безплат. для распространенія нашей фирмы стол. часы съ будильникомъ и со свѣтящимся циферблатомъ „Молнія“.
Просимъ указать желѣзнодор. стан.

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра: **ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ**
К. Ю. ЭРНСТА. Москва, Б. Никитская № 11.
Руководство къ самообученію 2 р. 50 к

Сканировал readukorer rutracker.org